

МАКСИМ КАРТ

**тревожные
видения**

РОМАН

Максим Карт

Тревожные видения. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8884238

ISBN 9785447404123

Аннотация

Она разочарована в жизни после смерти матери, а он сжигает себя в непрерывном угаре. Они хотят любить, но их разлучают. Чтобы встретиться вновь, им нужно познать первородный страх. Он загоняет их в дебри безумия, откуда выбраться кажется невозможным... Психологический триллер о преодолении самого себя.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	12
1	12
2	17
3	25
4	27
5	36
6	39
7	42
8	45
9	49
10	54
11	57
12	59
13	61
14	66
15	71
16	75
17	78
18	86
19	93
20	102
21	105

22	108
23	111
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Тревожные видения

Роман

Максим Карт

© Максим Карт, 2017

ISBN 978-5-4474-0412-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Кладбище истлевших душ

Порой бывает трудно влиться в секунды, часы, дни и даже годы, пронсящиеся мимо с непостижимой скоростью, особенно, если выпадаешь из жизненного потока и, стоя на отшибе, наблюдаешь, недоумевая, за беспорядочным движением тел и душ. Они несутся, а ты стоишь, осознавая, что прирос к одной точке, грызёшь локти от бездействия и хочешь броситься в грохочущий поток головой вперёд, чтобы миллиарды частичек мути забрали тебя в сумасшедший танец, а бурное течение унесло твоё тело как можно дальше от обители покоя...

Майская жара душила Юлю. И зачем она вырядилась в снежно-белую майку с золотистой надписью «LOVE IS...» и короткую голубую юбчонку, красиво облегающую тело? От палящего солнца спасла бы кавказская бурка. Краснела кожа на лице, руках и ногах. Редкие тени сморщились в хилые подобия самих себя, плавился изъеденный выбоинами асфальт. Горячая пыль, висевшая в воздухе, лезла в глаза, от неё скрипели зубы, а горло сжималось в приступах аллергического кашля. По обеим сторонам улицы тянулись унылые корпуса промышленных предприятий: заброшенная зона, которая опротивела Юле сразу же, как только она ока-

залась в ней, но папа, чтоб его передёрнуло тысячу раз, попросил встретиться именно здесь, будто специально хотел ткнуть единственную дочь носом в её беспросветное одиночество. Мимо шли люди, ими были заполнены не только тротуары, но и проезжая часть. Держась небольшими группами, они бойко переговаривались. Зачастую впереди каждой из них неслась неугомонная детвора, следом шагали налегке женщины, а в хвосте плелись мужики, загруженные пухлыми сумками с выпивкой и закуской.

– Ты прекрасна! – услышала Юля знакомый голос.

– Ты как всегда любезен! – ответила, улыбнувшись, и повернулась лицом к папе.

Открывшийся ей вид наполнил её улыбку пренебрежением: отец не был в дымину пьян, но его слегка покачивало от выпитого, он смотрел на дочь мутноватым – чужим, пустым, ватным – взглядом, его настроение болталось где-то на границе между безмятежной радостью и появившимся непонятно откуда разочарованием в жизни. Сильно поношенные джинсы и серая в крупную клетку рубашка с коротким рукавом, от которой воняло потом, превратили его в простого инженера среднего звена.

– Вот... – виновато произнёс он, показав затёртый пакет из продуктового супермаркета. В нём звякнули полные бутылки.

Сквозь подступивший к горлу комок прорвалось:

– Зачем ты напился? – Он не ответил. – И именно сего-

дня? Мама очень расстроилась бы от такого зрелища.

– Кому какое дело? – фальшиво возмутился он.

Юля встрепенулась, испугавшись его безразличия:

– Мне есть до тебя дело! Ты мой папа, а ведёшь себя как последнее ничтожество!

– Мы уже давно не одна семья...

Действительно, не одна. До этого Юля не смогла бы додуматься сама, а так... Он подсказал и тем подтолкнул её к тлеющей в сознании, но ещё не прорвавшейся в реальность мысли об уже случившемся распаде.

Юля прошептала:

– Если мы живём не вместе, это ещё не значит, что семейные отношения между нами разрушены. Я понимаю, ты любил только её, но ведь я её дочь! И твоя тоже!

– Зачем ты так?

– А затем! Затем! – повысила голос она. – Я не хочу, пап, чтобы ты уходил! А ты уходишь всё дальше и дальше от меня. С каждым днём – дальше и дальше...

Надулась пузырьём необходимая ему пауза, позволившая немного собраться с мыслями и повернуть их течение в другую сторону, не такую опасную для него.

– Извини, понесло не туда, – отвердевшим голосом сказал он. – Я постараюсь что-нибудь изменить. В себе... Тяжело было.

– Пойдём к маме, – вырвалось со слезами. – Мне так её не хватает.

– Не только тебе, доча.

Жидким ручейком влились они в густой людской поток. Пара крепких словечек от большой тётки, которую отец случайно задел пакетом с бутылками, подстегнула их. Перепрыгнули через рельсы, заросшие густым бурьяном. Разминаясь с рестораном, из открытых дверей которого лилась до неприличия весёлая музыка, прошли под растяжкой ЛЭП, даже не задрав голов – посмотреть, сколько же их там, проводов... Слева тянулась разбитая дорога, запруженная старыми автобусами: заполненные людьми едва ползли по ней утомлёнными черепахами, пустые теснились по обочинам, превращённым колёсами в пыльное месиво. Перед кладбищенскими воротами устье тропы расширялось в широкую площадку, засыпанную крупным гравием. Тут же распадалась в беспорядочную толпу человеческая река. От самого входа – лотки. С них торговали закуской и запивкой. Потные продавщицы в голубых передниках не успевали выставлять свежак, мгновенно сметаемый с прилавков жаждущими помянуть умерших родственников.

Добравшись до знакомой оградки, Менцели уселись на деревянную скамейку перед могилкой с небольшим гранитным памятником. Будто только увидев их, мама улыбнулась, немного обнажив верхние зубы. Одна из самых любимых фотографий Юли: мамуля чистила картошку, отец подкрался и ущипнул её за мягкое место – испуг, гнев, улыбка и вспышка фотоаппарата... Вокруг сновали пьяные и слегка

выпившие, печальные и уже весёлые поминальщики. Отец достал из пакета водку, бутылку дешёвого красного вина и пару одноразовых пластиковых стаканчиков. Никакой закуски.

– Помянем и мы, – всхлипнул он, плеснув в один водки, в другой вина.

Выпили. Помолчали. Опять выпили. Воздвигшаяся между ними пустота едва ощущалась среди их мыслей, которые вроде и крутились вокруг общего стержня, но двигались в разных направлениях. Юля пожалела вдруг, что пришла сюда с отцом: казалось, ему совсем безразлично место захоронения любимой женщины. Неприятно кольнула мысль: любил ли он маму? Глупость. Конечно любил. Юля убеждалась в этом не раз. Вопрос нужно ставить по-другому: любит ли он её до сих пор? Опять же глупость. Отец между тем наливал и пил, пил одну за одной, пока не превратился в чужого Юле человека, напялившего маску её папы по какому-то недоразумению.

– Я не могу так больше! – воскликнула она, вскочив со скамейки, и пошла прочь.

Отец промычал что-то в ответ. Юля не оглянулась. Её тянуло в толпу. Прежде чем влиться в неё, она услышала его рыдания, но не остановилась. Потом он начал блевать так громко, что прохожие оглядывались и неодобрительно качали головами. Юля ощутила укол. Папу не хотелось видеть больше никогда. И слышать тоже. Зря он вообще существо-

вал.

Часть первая

Соскальзывание

1

Седая нить паутины – паучья душа, – сорвавшись с потолка, нырнула в гущу затхлого воздуха, отвергнутая своим родителем, но не смогла упасть слишком низко, ей преградило путь женское плечо, влажное от пота. Паутинка с радостью прилипла к нему. Прикосновение мерзкой субстанции Юля ощутила корнями подсознания. Боязнь насекомых прорасла в ней ещё в детстве из постоянного страха коснуться незащищённой частью тела продуктов их жизнедеятельности. Она ненавидела всех жужжащих и летающих размером меньше воробья из-за следов, какие те всегда оставляли после себя. Ей хотелось убивать их без перерыва. Они же, словно чувствуя исходящую от неё угрозу, её жажду смерти, старались не попадаться ей на глаза, не желая умирать.

Сон – как рукой сняло – ускользнул из памяти без остатка. Бросив тёплую постель охлаждаться, Юля нагая подошла к окну, чтобы искупаться в голубом космическом свете. Жёлтая луна укрылась рваным облаком. Ещё потемнело – и без того вялые краски сгустились в болотную муть. Имен-

но так источаются тяжёлые будни: понедельник, вторник, среды... Всплывает из глубины свинцовая усталость, укрытая пьяной поволокой, и душит, изрядно утомляя. И ответа вразумительного обычно не находится на вопрос о смысле жизни, который задаёшь себе непрерывно.

Ночь утекала, оставляя по своим берегам грусть от человеческого одиночества. Сквозь грязное стекло Юля видела бредущих в темноте редких прохожих: сжимаясь в сюрреальные фигуры, они склоняли головы в поклоне неведомому господину – не люди, а тени и клочки тумана. Душа стонала от желания не просто выпить, а нажраться: смешать в ядерный коктейль беленькую, вино, пиво, плеснуть ещё какого-нибудь горючего... Но в холодильнике была только водка – остатки со вчерашнего. Хоть и подступила к горлу тошнота от её вида, жажда пересилила предчувствие желудочного расстройства: водку – в стакан, и сок из подсохшей половинки лимона. Убойное лекарство от скуки. С лёгким головокружением Юля улеглась на старый диван, полный колючих хлебных крошек. Она любила есть на нём: такое поглощение пищи – первобытное и животное, ведь только звери превращают собственное ложе в место для пиршеств. Однако она не полностью уподоблялась безмозглым млекопитающим – читала книги, смотрела фильмы по телевизору: с интересом или без него, но мыслила по-человечески и этим отличалась от Бормана, который сидел рядом, умывая усатую морду жирной лапой, в ногах у божества, подарившего ему

только лишь прихотью своей сытную жизнь без нервных потрясений, но о благодарственном молебне и не помышлял сей раб чревоугодия.

– Борман!

Он одарил её полным лениости взглядом: чего угодно, как бы хозяйка?

– Иди ко мне, я чухну твой скаल्प! – Не пошёл, зараза, ему и так хорошо.

Подобное наплевательское отношение к её приказам – о, моя богиня! – задело Юлю за живое. Она легонько, чтобы не покалечить, пнула кота, но тот без писка ушёл по-английски, спрыгнув с дивана, дёргая в нервной дрожи пушистым хвостом.

– Пошёл вон, зверюга! – с раздражением, прокатившимся буруном по гладким подводным камням жалости. Переживёт... Обиды быстро забываются, если они не смертельны.

Одиночество, папахивающее эгоизмом, доставляло Юле истинное удовольствие: она любила себя больше, чем ненавидела, если рядом не было мужчины, и самые лучшие из них почему-то обходили стороной женщину не в своём уме. Многих её беспардонное отношение к их внутреннему миру сразу отпугивало, они начинали ненавидеть не Юлю даже, а всех тупорылых баб, представленных скопом в её лице, и прикрывались щитом мужского превосходства над слабым полом, их, глупцов, распирало от собственного величия. Взять хотя бы Сашу, её соседа по лестничной пло-

щадке... И вдруг соловьиная трель звонка, прервав кипение мысли, потребовала её к двери: опять пришёл, среди ночи. Не дурак и не умный, в белом халате до колен, симпатичный, сексуальный. Юля привыкла судить о людях не по одежке, стиль которой очень легко можно изменить, а по плотности серого вещества, ведь внешность поддается даже небрежному движению руки, ею часто играют, из мозгов же невозможно выбросить укоренившуюся там глупость.

– Здрассти, – выдавил он после того, как шагнул через порог без приглашения. Юля невольно отступила на шаг. – Чего свет не включаешь? Экономим? Пройти-то можно?

– Проходи. – Она щёлкнула выключателем, и лучи электрического солнца неприятно резанули по глазам. Увидев его волосатые ноги, она улыбнулась.

– Мне бы поговорить...

– Ну что ты хочешь от одинокой пьяной женщины, скажи? – ответила с раздражением, швырнув в него полный презрения взгляд.

– Да ладно тебе, Юль... – Тугое молчание ему вместо ответа. И он, кажется, обиделся, но не сильно, как малолетка. Пусть. – Я пойду.

Исчез.

Юля с шумом выпустила воздух из лёгких. Её и Сашу разделяла только дверь. Словно в зеркале, увидев в её лакированной глубине свои пустые глаза, она провалилась в их черноту: соскользнувшая в пропасть душа в ужасе рванулась

из бездонного колодца, крича с перепуга и требуя помощи, но никто не поспешил к ней, ведь трудно что-либо разглядеть в кромешной тьме. Чёрное и белое смешалось в вязкую массу, которая обрушилась на Юлю душевной грязью и безразличием ко всему. Её бросило в жар... Выпить... Сколько она уже пьёт? Не сосчитать, не угадать. Надо рисовать палочки на обоях... по дням считать... или по бутылочным пробкам. Откуда водка? Пела бесконечную песню про ушедшую любовь, отхлёбывая из горлышка.

2

Юля брела, не разбирая дороги и путаясь в мыслях, сквозь падающий густой снег, превращавший укрытое мраком живое полотно в жуткие кляксы. Она не верила тем, кто осмеливался утверждать, что зимний холод может быть приятен: дикий и жестокий, ломая её внутренний стержень, он превращал его в податливый кусок пластилина. Вечерняя прогулка затянулась – подышать вздумалось свежим воздухом. Хоть временами и вспыхивали в голове разумные мысли – где я? – который час? – одиночные всплески, но очень быстро гасли и улетучивались, подхваченные кружащимися в первобытном танце снежинками. Юля тщетно куталась в старенькую кожаную куртку, но не согревалось озябшие тельце.

И вдруг вопреки логике изменился окружающий мир. Она стала слышать то, что ещё секундой ранее никак не могла почувствовать: песню льда и ветра. Просветление её сознания длилось секунды, но она испугалась, насколько может перетрусить пьяное создание, едва не напустила в штаны, окунувшись в бочку, наполненную ужасом. И быстро отпустило – без всякого облегчения. Ночь сменилась маломощным в рождении, но уверенно набирающим вес рассветом. После долгой ходьбы ступни налились тяжестью, а снег прибрёл вкус мёда, и Юля с удовольствием ловила его губа-

ми. Внезапный порыв ледяного ветра, вмиг выдув из одежды всё тепло, хлестнул её по щекам невидимой ладонью, желая и ненавидя заблудшую одиночку. Пальцы ног онемели, а волосы сбились в бесформенную кучу. Сейчас бы шапку на голову... Но зачем ей тепло, если для существования хватает и той малости, что она получает от жизни? Мороз крепчал.

Размытое движение за спиной толкнуло оглянуться – ничего, показалось: собака осталась спать в будке, мертвец не вылез из могилы, а маньяк передумал выходить на охоту, – лишь ветер во тьме бросался невесомыми плевками. Однако фальшь сквозила в самоуспокоении. Тело и душа Юли перестали быть одним целым, её ноги-деревяшки отказались уносить её из ночи, полной опасности, а где-то в утробе зарождалась фобия. Сквозь пелену снега она мельком увидела: сутулый, держался от неё на приличном расстоянии, не сокращая его и не отставая. А когда ветер закружил полчища снежинок в безумном танце, призрак исчез, и Юля усомнилась, что вообще видела кого-то: но нет же... собственными глазами... Оно шло за ней, чудовище. Она побежала. Ведь нормальный человек не может быть ростом выше трёх метров, у людей руки не свисают ниже колен, а лицо не покрыто густой шерстью, но если и растут волосы у них на щеках, они сбривают их каждое утро острой бритвой и смягчают кожу пахучим лосьоном. Нечто ужасное, преследуя Юлю, догоняло её. Она попыталась оторваться от назойливой мысли – что будет, когда он убьёт её? –

но не получилось выкинуть из головы мешающее соображать: перед глазами текли реки крови, на волнах которых покачивались куски её расчленённого тела: голова с выпученными глазами и остановившееся от боли сердце. Нет! Она ещё не всё успела в жизни! Выбери другую жертву, пожалуйста! Но он положил глаз на неё, выиграв в лотерею суперприз, а от него никто не отказывается, и он – не исключение, такой же жлоб, как и остальные. Она упустила момент, когда таинственный преследователь, сбросив призрачную вуаль, обернулся куском материального, потеряла бдительность, а может быть, на короткие секунды даже забыла о его существовании, сосредоточив всё внимание на себе и своём спасении.

Но не монстр то, а худенький мужичок в зелёном пуховике, не более. Юлю захлестнуло облегчение с ароматом лёгкого разочарования – столько нервов растворилось в пустоте. Успела увидеть и сфотографировать памятью добрую половину его лица, остатки утопали в мокром мехе капюшона. Её погонщик – именно так – дышал слишком громко для утомлённого жизнью здоровяка, глотая большие порции морозного воздуха и размахивая руками обычной длины. Он летел сквозь падающий снег и, наверное, не злоупотреблял алкоголем. Она начала уставать от бессмысленного бега по ночным улицам: лёгкие, насытившись углекислотой, горели и давили на рёбра, а сердце брыкалось в груди. Сомнение в правильности сделанных выводов раскололо Юлю

надвое: стерва и паникёрша сошлись в битве не на жизнь, а на смерть. Лишь вмешательство случая могло прекратить их склоку. Он и вклинился между её двумя бьющимися началами, прервав их поединок задолго до финального гонга: Юля поскользнулась в пике невезения. В такие моменты убеждаешься, что Бог – лишь картинка на иконе, а все верующие в него болеют круглым идиотизмом. Её ноги поползли по обледенелому асфальту, не реагируя на жалкие попытки мозга послать нужные сигналы конечностям. Не в силах помешать скольжению, Юля будто со стороны наблюдала за развитием событий и оставалась безучастной до тех пор, пока не уткнулась лицом в снег. Когда ледяная влага обожгла кожу, похожая на вспышку молнии обида на собственную беспомощность выплеснулась из нутра, оставив трепыхаться в одиночестве то, что растворилось в безразличии.

В следующие несколько секунд Юля уже твёрдо стояла на ногах, до боли в глазах всматриваясь в темноту, желая различить в её теле и выделить из него подозрительные фигуры или их видимые тени, но там не было ничего. Её преследователь исчез – мгла сожрала его. И заструилось облегчение: не нужно больше бежать, смерть безумию, брела бесконечно долго к цели и дошла, но, остановившись на пороге, боялась переступить его. Он исчез в переулке – куда же ему деться? А надо бы готовиться к худшему, хоть выбор и предоставлен – две противоположности: или есть злобный убийца, или нет. Но вариант с отсутствием проблемы сулил меньшие хлоп-

поты. И Юля сделала скидку на подстёгнутое спиртным во-
ображение: ответ найден, точка поставлена, можно вернуть-
ся домой, принять ванну после плотного ужина и завалиться
в тёплую кровать, чтобы утром с лёгким похмельем отпра-
виться на работу, а там узнать, что уволена за прогулы, ведь
время сторело в угаре. Кто-то положил руку ей на плечо...
Она кричала громко и долго – до хрипоты, и замолчала, едва
увидев его глаза: гипнотический взгляд повелителя прошёл-
ся по ней катком. От него не пахло спиртным и выглядел он
физически здоровым. Значит, ей попался натуральный псих
с непредсказуемым поведением.

– Не кричите, пожалуйста, – шепнул он, словно опасаясь,
что кто-нибудь его услышит.

– Я и не хотела.

Что она понесла? Это же плохой человек, страшила, убий-
ца женщин! Однако звучание его голоса твердило обрат-
ное, превращая уродливого маньяка в лучшего друга, кото-
рый способен понять. Юле вдруг расхотелось кричать – ужас
отступил. Она увидела, что чудовище почти лишено сил,
и усталость делала его добряком, не способным даже на ма-
лейшее проявление жестокости.

– Я тебя напугал? – спросил он. – Чёрт! А мог всё сделать
по-другому! Ненавижу себя за это!

– Не думай о себе плохо, – проблеяла она, а должна была
забиться в истерике, чтобы привлечь к себе внимание слу-
чайных прохожих.

– Почему? – Ну и дура! Как теперь объяснить: не ведала, что плела, извини засранку, больше такого не повторится.

– Я жутко замёрзла, – пожаловалась Юля, надеясь своим нытьём растопить его ледяное сердце.

Дрожащей рукой он достал из кармана пуховика маленький пистолет и приставил холодный ствол к её лбу: неужели умру сейчас, когда не прожито ещё столько дней? Слезы покатались по замёрзшим щекам – Юлю коснулось дыхание очень глупой смерти.

– Я не хочу тебя убивать, – сказал он после молчания, продлившегося вечность.

– У меня есть немного денег. Возьми их, только не лишай меня жизни!

Он повторил с грустью:

– Я не хочу тебя убивать, – и убрал пистолет от её головы. – Мне не нужны деньги.

Пришло её время удивляться:

– Но почему?

– Я сам хочу умереть.

Он не врал, хоть его слова и походили больше на небрежно брошенную нелепость, чем на осмысленное высказывание.

– Не обманывай меня, – выдавила Юля. – Никто добровольно не отказывается от жизни.

Он со злостью воскликнул:

– Да что ты знаешь о смерти? Она – в душе! Её не видно, но она живёт там!

Почувствовав, как замерзали ноги, Юля попыталась прекратить этот балаган:

– Мне нужно...

Он не дал ей договорить.

– Да. – сказал и протянул ей пистолет. – Достаточно слов. Возьми его, приставь к моей башке и стрельни... Покончим с прелюдией.

Дрожащая её рука взяла оружие: пистолет оказался очень тяжёлым – ну вот и всё, спастись теперь в её силах: пристрелить придурка и расслабиться наконец, – но она медлила.

– Так почему? – спросила она. – Ты действительно хочешь умереть? Я не понимаю. Ты веришь в то, что я выстрелю? Почему ты думаешь, что я смогу убить человека? Просто смешно! Я никогда этого не сделаю!

Он улыбнулся:

– Ты уже внушаешь себе то, что ещё недавно тебя совершенно не волновало. Ты ломаешься и хочешь попробовать. Давай!

Он дразнил её, плохой человек. И зачем она распинается перед ним в тщетной попытке спасти его жизнь? Кому нужна такая душа? Он стирает её со страниц вечности собственными руками. Она прицелилась прямо ему в лоб.

– Стре... ляй... – шептали его губы.

Юля сорвалась на нервный крик:

– Я не могу! Ты не заставишь меня сделать это! Ни ты, ни кто другой!

– Только ты... – заплакал вдруг он, – сама... можешь заставить себя.

Жалкое существо, недостойное звания мужчины, действительно собиралось умереть.

Выстрел пронёсся гулким эхом по пустой улице, потом ещё один, и третий... Плохой человек упал, кровь полилась из него. Юлин желудок свернулся в тугий узел.

– Боже...

Она выронила пистолет и побежала.

Да, он боялся смерти: слыша её дыхание, мог дотронуться до неё, хотя никакая сила не заставила бы его приблизиться к мертвенному савану, укывшему место её белого танца. Он осторожно выглянул из-за угла дома: его перекошенное испугом лицо было похоже на сгнившую от старости деревянную маску древнего африканского племени, нижняя челюсть дрожала, из носа текли сопли, он взмок от напряжения нервов и мускулов, его трусило. Но пот быстро остывал, превращаясь в вязкий налёт жира на коже. Впрочем, грязное тело не волновало его сейчас – ничто не могло помешать созерцанию пляшущей костлявой с косой. Острая боль пронзила промежность – отдалился он в мыслях от дел приземлённых: надо же, забыл, что отливал. Опустил глаза – увидеть высунутый из открытой ширинки член, пульсировавший в пальцах: капелька мочи, не стряхнутая с него, примёрзла микроскопической сосулькой к побелевшей головке. Так можно и до омертвления тканей доиграться. Ослабив давление пальцев, спрятал переохладившееся хозяйство в брюки. Единственный вопрос тревожил: что же случилось? И пустота вместо точных и внятных ответов. Что? Разглядев в темноте неподвижное тело, лежащее в сугробе, пустил свежую струю, горячую и короткую, в штаны, но не обратил внимания на жиденький ручеёк, прокатившийся по левой ноге.

Мысленно перекрестился без молитвы – знал из церковного только про распятие и возможное спасение в минуты смертельной опасности. Молнию на брюках заклинило. Выругавшись, рванул повторно, но удача скорчила противную гримасу: пришлось бросить мотню открытой. Побежал, как никогда быстро – до рези в лёгких, но закончились силы и остановился посреди пустой улицы. Дышал глубоко – холодом.

Каково надуться мыльным пузырьём, когда чувства распирают, стремясь вырваться за пределы сознания, а его ограниченная тупостью широта не позволяет им разгуляться вволю? Болезненное состояние, даже если эмоции несут положительный заряд, и вдвойне болезненное – с переполненной противоречивыми чувствами душой. Сомнения терзали Юлю – убила ли она или он сам лишил себя жизни? – чёртовы вилы. Без внятного ответа она могла впасть в истерику. И никого не было рядом, кому хотелось довериться, кто мог облегчить её страдания.

Увидев подмигнувшую ей бордовым неоном вывеску бара, Юля замерла. «Мареновая роза». Неужели в городе существует заведение с таким названием? А если она шлялась сейчас не по родному Б-ску, а плутала в лабиринте призрачной сумеречной зоны, где белое черно и розово? Она робко открыла скрипучую дверь. За одним из столиков сидела девушка с бокалом рубинового вина и тонкой сигаретой, которую сжимала средним и указательным пальцами. В облаке сизого дыма она была похожа на роковую проститутку из дешёвого фильма ужасов. Она не сразу увидела Юлю, а когда заметила, оторвала бокал от губ и в упор уставилась на неожиданную гостью. Кончик её сигареты слегка подрагивал. Больше – никого. Странное местечко.

– Заходи, дорогая, Алла сейчас подойдет... – сказала с улыбкой леди-призрак. – Выбежала поссать.

Юля подсела к ней и, сняв куртку, небрежно бросила её на соседний стул. Пришло время расслабиться – вкусить добрую порцию почти домашнего тепла. Если бы не похмелье...

– Есть ещё люди, которым не спится этой ночью, – сказала девушка, стряхнув пепел с сигареты на салфетку. – Хочешь составить мне компанию? – Осталось без ответа.

Совсем не ощущалось, что она пьяна, наверное, умела себя сдерживать – такая сила воли не могла не вызвать уважения. А с другой стороны, зауважать первую встречную, не заглянув ей в душу, просто глупо: Юля ещё не совсем оторвалась от реальности, чтобы пренебрежительно плевать-ся осторожностью. Где-то хлопнула дверь и вскоре явилась к ним барменша Алла. Ничего личного испытывать к ней Юля не хотела, поэтому и запоминать не стала: передаточные звенья между порциями алкоголя и желудком всего лишь выполняют свою работу и без претензий растворяются в вечности, где нет места чувствам. Попросила двойную порцию мартини с лимоном. Алла оказалась не слишком расторопна. Отхлебнув из конического бокала, Юля в прекрасном настроении откинулась на спинку стула: нет ничего приятнее, чем выпивать в тепле, когда за окном сходит с ума природа.

– У тебя имя-то есть? – спросила она после секундной паузы, не особо надеясь услышать правдивый ответ.

– Катя... Поговори со мной, а то я умираю от скуки. Или ты не хочешь?

– Хочу.

– У тебя вся рука в крови. – Просто и точно, без лишней мишуры.

Некстати вспомнился плохой человек из ночи. Юля опустила глаза – посмотреть: пальцы и тыльная сторона ладони как у маляра, грязное пятно на рукаве куртке. В детском смущении убрала руку под стол.

– Порезалась, – сказала она.

– Бывает, – равнодушно заметила Катя или сделала вид, что её совсем не волнует человеческая кровь, вылившаяся из тела. – На холоде боль притупляется. Так и сдохнуть можно незаметно.

На том и замолчали. Глотнув вина, Катя закурила новую сигарету. Если будет столько дымить, скорее умрёт от рака, чем от кровотечения на морозе. Юля повертела пальцами ещё не пустой бокал – пить вдруг расхотелось. Разрывая в ключья ставшую тягостной тишину, в «Мареновую розу» ворвался с матами толстый коротышка. Он сильно размахивал руками и вертел головой, как умалишённый.

– Шампанского мне! – с порога запустил поддатый толстячок.

Оставив Юлю в компании с бокало мартини, Катя бросилась к этому подобию мужчины, больного словесным поносом. Его пропитое достоинство показалась ей привлекатель-

нее непринуждённой беседы с окровавленной незнакомкой. Чего не хотела Юля, того не получила. Катя же не позволила потенциальному улову выпить лишнего, всучив ему вместо желанного игристого вина стакан с бурлящей минералкой. Он не заметил подмены. Они ушли из бара через несколько минут её настойчивых уговоров.

– Где у вас туалет? – спросила Юля у взгрустнувшей Аллы.

Барменша небрежно махнула рукой в сторону неприметной двери, обтянутой коричневым дерматином. В тесной кабинке Юля не без удовольствия справила малую нужду. В мусорной корзине поверх окровавленных прокладок лежал использованный презерватив. Переборов накотившую тошноту, она подошла к умывальнику. С руки кровь смылась легко, а с курткой пришлось повозиться. В мутном зеркале отразился взгляд побитой собаки: чёрные круги под глазами, жёлтая кожа, грязные волосы – опустившаяся девочка. Она умылась ржавой водой. Больше нечего делать в «Мареновой розе».

Снова нырнув в холодную ночь, Юля подставила лицо жестокому ветру. Она быстро трезвела – уже могла думать без натуги и замечать в окружающей обстановке то, что раздражало: свет фонарей и механический рык автомобилей. Стыдоба-то какая! А с выпивкой – завязать. Такси, пронзительно взвизгнув, остановилось в пяти метрах от неё, но Юля даже не замедлила шаг. Таксист посигналил дважды. Безрезультатно.

татно – она не хотела в эту машину.

Опустив стекло, он заорал во всю глотку, словно Юля страдала глухотой:

– Могу подбросить! Даже к чёрту! Если деньги есть. По лицу вижу, имеешь, хоть ты и похмельная. А бродить по городу в твоём состоянии в такой час не советую.

Юлю не тронула его речь – послать подальше, – но деньги у неё действительно водились, а желание и дальше шататься в леденящей тьме напрочь отсутствовало. Она приняла предложение. Назвала адрес, поехали... домой... понеслись. Нудно гудела печка, под зеркалом заднего вида болтался на тоненькой верёвочке серый кролик в подобранных не по размеру сланцах и майке, трещала помехами старенькая магнитола, изрыгая звуки радио. Таксист не представился, как и Юля, потому что не было необходимости, он не расспрашивал её о работе и личной жизни, молодец, зато много рассказывал о себе. Она слушала урывками, когда ей хотелось, а в остальное время размышляла: в голову лезли мохнатые мысли об отце, у него своя жизнь, они отгородились друг от друга стеной после смерти мамы.

– Смотреть не мог ей в глаза целую неделю! Потом оттаяли оба. И ничего не изменилось. Как было до того досадного вечера, так и осталось. Без обид, в тайне. Не дурой оказалась. Страшно становится, когда задумываешься о том, что было бы, останься я тогда у неё на ночь.

– Я тут завалила одного придурка, – проямлила Юля.

Не полегчало, да и не могло, камень так и остался висеть на шее. Одна лишь мысль заслонила собой все остальные, раздавшись пышным телом: какая же я дура! Водитель замолчал, скользнув взглядом по зеркалу. Поверил? Нет. Усмехнулся.

Опять заговорил:

– Придурков нужно мочить. От них все беды. В правительстве тоже одни идиоты сидят и ни черта не смыслят в жизни! Говорят о бедных стариках, а у самих морды трескаются от жира. Да они никогда не знали настоящего голода! Мне... – Так продолжалось до самого её дома.

Юля остановилась перед обшарпанной подъездной дверью пятиэтажки. Вспомнилось: когда-то блевала на неё после первой в жизни серьёзной попойки. Достаточно времени прошло с тех пор. Дверь исписана маркером: матерные слова и едва понятные иероглифы – знаки улицы, примитивные рисунки и невообразимые переплетения разноцветных линий. Юля с трепетом дотронулась до отполированной до блеска латунной ручки. В подъезде было тихо как никогда и очень темно. Вернулась домой, но стоило ли возвращаться? Ерунда. Любой человек имеет право на собственную среду обитания: на жилище, даже если оно пусто, как выпитая до дна бутылка. Лестница уносилась ввысь. Обычного размера ступеньки показались Юле высоченными, а потому неприступными. Ноги, налившись свинцом, прилипли к бетонному полу. Она пошла всё же, касаясь ногами каждой

из ступенек, чего не делала даже в самые худшие времена своей жизни. И вот – у цели. Ключ легко провалился в замочную скважину, дверь открылась. Юля шагнула в темноту.

– Наконец-то... – оторвался от тишины хриловатый мужской голос, добрый и сильный.

Юля не ожидала услышать его сейчас – голос отца: чей угодно, только не его. Он сидел в её кресле, закинув ногу на ногу, его пронзительный взгляд сверлил, но – без зла: устал человек – дела их фирмы уверенно ползли в гору, а единственная дочь катилась вниз, что не казалось ему правильным. Кашлянув пару раз, закурил. Пепельница была переполнена кривыми окурками его сигарет, в квартире висела табачная вонь.

– Ты в порядке? – спросил он, хотя прекрасно видел, что Юля пришла без посторонней помощи.

Не ответив, она легла на диван.

– Давно ждёшь? – спросила.

– Давненько.

Они редко разговаривали о серьёзном. Даже когда мама умерла, он не изменился – лишь больше замкнулся и закрыл за собой дверь, хлопнув ею перед носом дочери. Жизнь понеслась по колее.

– Ты что делаешь, доча? – повысил он голос. – Бухать завязывай! На работу забила, дома – бардак. Что с тобой? Проблемы?

Она попробовала вспомнить, когда ещё его волновали её

проблемы – не получилось.

Спокойно ответила:

– Ты слишком резок.

– Извини, я просто хочу разобраться с тобой, но не могу... Хватит уже жить в трауре. Три года – достаточный срок для успокоения. – Он сделал паузу. – Прости. Возможно, я чего-то не понимаю.

– Да, тебе не понять. – Она показала ему спину, перевернувшись на другой бок. – Я сама разберусь с собой.

– Когда? Твоя работа катится к чёрту!

– Тебя только это и волнует.

– Не только. Вообще не волнует. Меня ты беспокоишь.

Не хочу, чтобы ты сдохла в канаве от передозировки.

– Я не колюсь!

– Плевать! Брось это! Сразу полегчает.

Он ей надоел – от его лечения легче не станет. Он видел только её плоть, которая должна без остановки заколачивать монеты, большего ему не дано.

– Зачем ты пришёл?

– Зачем? – удивился он. – Хочу вытащить тебя из помойки.

– Мне нравится жить на помойке. Я выберусь, если захочу.

– Ты невыносима.

– Ты знаешь, где дверь. До свидания.

– Не груби мне! Я уйду сейчас, но так этого не оставлю.

Ты мне нужна.

– Ты заблуждаешься.

Он ушёл, но Юля не расстроилась: в последнее время отец вызывал у неё отвращение, такое же, как очень жирная пища или тёплая водка. Пара глотков холодной ох не помешала бы. Нужно забыться. Как тут завяжешь? Легко ли отказаться от состояния души, в котором чувствуешь себя спокойной, от места на её пустынных задворках, где день как счастливый день, а ночь ласкова и тиха? Можно только рыгнуть там от сытости и снова опуститься с головой в омут – перестать пить. Юля откупорила свежую бутылку. Водка была тёплой. Только одну рюмку... Знать свою норму... С томатным соком...

Бригада Саши Николаева возвращалась в Б-ск после трёх-дневной командировки: колёса микроавтобуса с жадностью пожирали обледенелый асфальт, домой хотелось безумно, но Лёха старался не превышать скорость, боясь слететь со скользкой трассы в белое поле со спящими по обочинам дороги замёрзшими деревьями. Бескрайние поля, укрытые снежным одеялом, сливались на горизонте с небом, затянутым тяжёлыми тучами. Усыпляющая белизна лишь изредка разрывалась чёрными пятнами-нарывами безлиственных посадок да мечущимся меж деревьев вороньём. Холодящая бездна успокаивала. Затянуть бы что-нибудь от сердца! И губы начали повторять за Кругом его стихи. Добавив громкости магнитоле, Саша закрыл глаза и откинулся на жёсткий подголовник. Приятное урчание мотора, передаваясь телу через цепочку автомобильных механизмов, наполняло его спокойствием.

Виталик толкнул его локтем:

– Хочешь пивка? – и протянул только что открытую бутылку.

Сделав пару жадных глотков, Саша вернул пиво. Закурили. И задохнулись густым дымом: пришлось опустить стекло, чтобы разбавить табачную вонь колючим воздухом, который ворвался в кабину с воем и опустошил открытую пе-

пельницу. Их попытался обогнать синий «фольксваген». Лёха пошалил немного: не пропускал его поначалу, нагло заняв середину дороги, но потом уступил, прижавшись к обочине. Иномарка быстро скрылась из вида, а довольный Лёха улыбнулся.

– Идиот и дорога – понятия несовместимые, – сказал он. – Голову же свернёт.

– А мы? – спросил Саша. – Такие же...

Лёха с презрением покосился на него: не любил он критики в свой адрес.

– Почему это? – спросил Виталик, только чтобы поддержать разговор.

Саша хихикнул:

– Ночные люди.

– И почему именно ночные? – удивился Виталик.

– Да потому: когда светло, мы вкальываем, как проклятые.

И все нами довольны: любят нас, не уставая повторять, какие мы отличные парни, и постоянно спрашивают себя, почему же их сыновья не такие? В общем, уважуха нам. Но – внимание! – сгущаются сумерки. И что мы видим? В нас вскипает чернота! Мы уже забыли о молотках и стамесках и схватились за бутылки с водкой. Сочные женские тела нам подавай! Без остатка отдаёмся страсти и хохочем над ничтожеством маленьких человечков, орём на них, а мелкота всё равно не понимает нашего языка! Мы служим темноте, потому что она даёт нам силы и власть над миром.

– Заметь, не только нам, – продолжил Виталик. – По улицам бродят миллионы... ночных.

– И каждый из них думает, что он единственный и неповторимый, – закончил Саша.

– Бред сумасшедших, – поставил точку Лёха.

Минут через пятнадцать доехали до слетевшего с дороги «фольксвагена». Он утонул носом в сугробе, не долетев до дерева жалкого метра. Водитель ходил возле машины, пошатываясь: голова – в тисках рук, с губ – проклятья чьей-то матери. На обочине стоял грязный самосвал с досками. Камазист осторожно, боясь оступиться, спускался с насыпи к месту аварии. Лёха притормозил немного, но, увидев, что пострадавшему не нужна помощь, поехал дальше.

– И такие правят дорогой, – заметил он, непонятно кого имея в виду, лихача или камазиста.

Из-за пригорка появились железобетонные корпуса заводских цехов, огороженные высокими заборами. Промзона всегда нагоняла тоску на тех приезжих из других городов, кто не знал, какие виды открываются за её серой безысходностью. Оставив позади вечно горящую свалку, нырнули под железнодорожный мост и покатались с холма в город.

Они шли в гаражи: сжатые в кулаки пальцы грели в карманах джинсов, а головы без шапок подставляли жестокому ветру. Торопились – подгоняла их пурга. У одного за пазухой грелась бутылка дешёвой водки, другой тащил хлеб и палку варёной колбасы, третьему доверили единственный апельсин. Тот, что с водкой, вдруг упал, но так и не высунул рук из карманов. Друзья подняли его с холодной земли и поставили на ноги. Пошли тише. Гаражи утопали в темноте, но в некоторых из них грелись мужики – пили вдали от своих женщин. Подошли к Лёхиному. Виталькин, более приспособленный для глубокого расслабления, обычно оставлял в себе надолго, пока хватало сил отдыхать, а у Друздя – распилили бутылку в два прихода и разбежались. Лёха приоткрыл металлическую дверь, боясь напустить внутрь холода, и три скрюченные морозом фигуры быстро проскользнули в образовавшуюся щель. Включили свет. Распрямить плечи в блаженстве и скинуть куртки сразу не получилось. Забрались греться в старенький «москвич».

Виталик обдал очоленевшие руки горячим дыханием и спросил:

– Может, печку включим?

– Рехнулся? – возмутился рассудительный Лёха. – Угорим к чёртовой матери!

– Дверь откроем – ветер выдует...

Выбравшись из «москвича», Саша раскрыл на всю ширь гаражные ворота, а на улице стоял не жаркий июнь: кто увидит, покрутит пальцем у виска. В замке зажигания болтались ключи, Лёха всегда оставлял их там. Запустили двигатель. И в одноразовые стаканчики полилась водка. Запах у неё был мерзкий – химический. Виталик поломал руками колбасу и разорвал на части апельсин.

– Тост, – сказал Саша, подняв стакан. – За дружбу до конца.

Жуткой получилась здравица, ведь конец – это смерть, а дружить до последнего – сдохнуть в один день и отнюдь не от старости. Но другого говорить не хотелось, да и не поняли Лёха с Виталиком его неожиданной глубинной мысли, потому что возражать не стали. Выпили и откинулись на спинки ещё холодных сидений: водка неприятно обожгла внутренности.

Урчал двигатель.

Саша потянул носом воздух:

– Воняет.

– Сейчас выветрится, – поспешил ответить Виталик.

– Надо вырубить движок, угорим ведь, – прогундосил Лёха.

А так не хотелось покидать уже хорошо прогретый автомобиль – тела налились слабостью.

Саша показал всем пустой стакан. Лёха взялся за бутыл-

ку. Забулькала горькая. И щёлкнуло в головах. Уронив стаканы с недопитой водкой – потекла она по брюкам на сиденья и коврики, – обмякли трое, унеслись в беспамятство. Их засосало тишиной. Только двигатель по-прежнему молотил, да печка гудела.

Боль в глазницах... Внутри автомобиля... Почему? Чья это машина? Сколько нужно выпить, что бы так паршиво себя чувствовать? Не меньше литра, наверное... Память совсем отшибло – не помнил, что пил столько, забыл, с кем пил.

– Не... пойду... никуда... не... – несло с улицы невнятное мычание.

Саша применил приём, всегда помогавший ему вернуться в строй: сильно ударил себя кулаком по голове. Не помогло в этот раз – сжимавшие мозг тиски давили, не останавливаясь.

– Что за дрянь? – пробурчал он.

Он выставил свинцовые ноги из машины – они упёрлись в мягкое.

– Что за дрянь? – повторил брезгливо.

Когда масса под ногами шевельнулась, Саша в ужасе одёрнул их. Высунул голову – посмотреть, но внезапно накатила тошнота. Он блеванул на живое, так и не успев его толком разглядеть. Упал на спину. Мягкое застонало. Саша выбрался из «москвича» через противоположную дверь, и, свалившись в слабости на пыльный пол, пополз к воротам.

– Не пойду... никуда...

Рассматривая трещины на цементном полу и царапая их

ногтями, Саша медленно приближался к выходу – пальцы ныли от боли и кровоточили, разодранные колени жгло, – а он упорно полз к кислороду. И, вырвавшись из гаража-гробницы, упал лицом в снег... Загребал ладонями большие его комки и хватал их горячими губами. Приподнялся на локтях. Реанимация воспоминаний далось тяжело: разлили водку, хотели выпить. Больше памяти не существовало. Но ведь не пили они столько! Тогда откуда дикое похмелье? Строго придерживаясь линии жизни, иногда падаешь в пропасть, которую видишь: прыгаешь в бездну, не останавливаясь на её краю, чтобы осмыслить сделанный последний шаг, а приходишь до истины уже в падении, захлёбываясь видом быстро приближающейся земли, различая на её поверхности травинки – игрушки ветра. Бездействием друзьям не помочь. Вскочив на ноги, Саша оглянулся: Виталик упирался головой в стену гаража.

– Не пойду... никуда... – бубнил он, наверное, пуская слюни, потому что его до идиотизма однообразный монолог сопровождался хлюпающими звуками.

Как мерзок он.

– Заткнись, дебил! – крикнул Саша и швырнул в него горсть щебёнки, которую поднял с дороги вместе со снегом.

Камни не долетели до Виталика, но всё же заставили его замолчать.

– Где Лёха? – спросил Саша и вырвал светлую мысль из пасти безумия: их друг остался внутри, задыхался и...

уходил, а так не положено умирать настоящим пацанам.

Бросившись в гараж, он быстро нашёл мягкотелого Лёху и вытащил на улицу. Стоя перед ним на коленях, натёр ему щёки снегом. Тот закашлялся и через пару секунд открыл глаза. Вот теперь можно, поставив точку, закончить сумасшедший день на мажорной ноте. Саша ещё раз вернулся в гараж, чтобы выключить двигатель и закрыть ворота. Виталик ходил, шатаясь и матерясь. Лёха громко икал, лёжа на щебёнке.

Когда же он поменяет дверной звонок? Обделаться можно от его рёва! А вдруг совпало – сидит на унитазах, тужится, поэтому долго не открывает. Услышав шлепки голых ступней по полу, не сдержалась и улыбнулась, а хотела быть серьёзной. Дверь открылась. Юля увидела заспанное лицо, перекошенное последствиями вчерашней пьянки. Похмельные мужики не раздражали её, а вызывали жалость здорового к больному: хоть сейчас откупорь спрятанную за спиной бутылку и дай ему поправиться, но – нет, вино предназначалось для другого дела.

– Гулять пойдём? – спросила она, наполнив взгляд сочувствием и надеждой на положительный ответ. Показала красное.

Саша отступил на шаг: икнув, выпучил глаза.

– Чего ты? – спросила Юля.

Так и уходят доброжелатели без доставленного страждущему глотка счастья. Но только не она! Сегодня ей нужна любовь.

Она повторила настойчиво:

– Гулять пойдём?

– Куда?

Неловкая тишина повисла между ними. Его глаза вернулись в прежние размеры: в них опять появилось жела-

ние жить, которое не позволяло ему разрушаться изнутри. Что бы он делал без неё? А она?

– Мне всё равно, – ответила Юля.

Пройтись, поговорить о пустяках, подышать зимним воздухом.

– Собственно... – протянул он. – Есть одно местечко, довольно интересное. – Он ткнул в неё пальцем, но одёрнул руку, вовремя разглядев в своём жесте глупость. – Я сейчас.

Дверь захлопнулась, Юля вздрогнула.

В ожидании она вспомнила далёкое утро, морозное и солнечное: ночью выпал глубокий снег, радостный отец колдовал возле чёрного от копоти мангала, пытаясь поджечь толстые вишнёвые ветки, он привёз их с дачи специально для шашлыка, мама стояла рядом и смотрела на своего мужчину жадно, он – её и ничей больше, запах слегка подгоревшей курятины, никогда не готовили свинину, папа не любил, он насаживал небольшие куски мяса на острые ивовые палочки и жарил, оно всегда пригорало, но тем не портился его особый вкус, ведь делалось своими руками, а потом пили красное сухое вино, домашнее, жили...

Две каменные глыбы нависали над журчащим ручьём: ни души – только природное одиночество купающихся в тишине валунов, и вонь – запах залежалого человеческого дерьма – разрывала ноздри. Он – ответвление городской канализации – отделялся от материнского русла и тёк по тротуарам, дорогам и автомобильным стоянкам, мимо кирпичных гара-

жей, по укрытым снегом окраинным полям в бесконечность. Он не замерзал зимой.

Они грели камни, попивая без дрожи кислое вино из горлышка бутылки, – сидели. Их мысли блуждали в далях, они молчали, медленно пьянея, и наблюдали за перекатами коричневых вод. Юле нравилась эта урбанистическая клоака с её непохожестью на те уголки природы, где всегда уютно.

– Что ты знаешь о смерти? – робко спросила.

Он даже не вздрогнул.

– О смерти? Зачем о ней разговаривать? Я пока не собираюсь умирать.

– Да нет же, – улыбнулась она. – Ты бы смог убить человека?

Он ответил без промедления:

– Конечно! Если б приспичило. Можно пойти даже на убийство, чтобы выжить.

– А как же совесть? – нахмурилась Юля. – Тебя бы потом загрызла совесть!

Теперь пришла его очередь улыбаться:

– А я бы в запил. Ха! На исповедь к попу точно не пошёл бы! Время лечит – всё забывается постепенно.

– Ты прав.

– В чём? Конец жизни неизбежен. Смерть слепа! Она как тень – всегда за твоей спиной. Она может достать любого.

– Саша, а тебе женщины нравятся?

– Кому они не нравятся? Я ж не пидор.

– А у тебя есть кто-нибудь? – спросила Юля.

– Нет, да и не нужно мне никого. А у тебя?

– Тоже нету.

Тут обязательно должно было последовать «давай дружить», но не пошло, разговор расклеился. Осталось только допить вино в тоске. Думали о неизбежном: пора уходить отсюда.

В Б-ске не было католической церкви, поэтому Юлю в младенчестве покрестила бабушка, в домашних условиях. После такого свойского обряда девочка считалась полноценной католичкой и могла без зазрения совести носить крестик. Но выросла деваха и сняла с шеи серебряную безделушку, раз и навсегда покончив с религиозной показухой: Бога надобно носить в душе, а не знаки-идолы – на шее. Обычно она питала к хозяину небес лёгкое подозрение: для неё он был лишь обителью вымаливаемой удачи в тяжёлые времена кризисов, если ничто уже не помогало, а в отсутствии потрясений божественного и вовсе не существовало для Юли, и тогда она старалась не вспоминать о нём до следующей душевной бури. Её вера лоснилась простотой и правильным отношением к бытию, таким же, как и у остальных смертных, не обременённых идолопоклонством и любящих безоблачное небо над головой.

Перед ней стоял храм, сверкая позолоченными куполами, – церковь, которая обязательно должна носить имя какого-нибудь святого. Но и без знания его позволительно войти в неё и открыться человеку, обязательно ему, а не иконе, которая не поймёт, даже если на ней и запечатлён светлый образ; однако смертный не имеет права отпустить грех. Юля нуждалась и в жалости, и в самой грязной ругани. Если поли-

ции сдать, то поругают и накажут, но... не то: правосудие человеческое – не божье, оно заставляет думать о некоторых людях лучше, чем они есть на самом деле, или хуже существующего, а церковь с исповедью излечивает душу и помогает забыть вкус дерьма. Юля боялась открыть тяжёлую дверь – подойти к божьему человеку и рассказать ему правду: не потому боялась, что раскроется её тайна, а от незнания ритуалов. Порядок свят. Нарушить его не представлялось возможным и виделось страшным. Не беспокоило её и то, что церковь православная – разницы Юля не чувствовала, никогда не замечала и не задумывалась о ней.

– Хотите войти? – пролилось песней.

Юля медленно оглянулась – а так не хотелось отвлекаться от созерцания величия духа. За её спиной стоял молодой человек в подризнике: он носил очки с тонкой оправой, редкая рыжая борода не портила его лица. Он улыбнулся. Она поплыла в растерянности: залилась краской с головы до пят и поперхнулась накатившимися эмоциями. Легко отворив массивную дверь, священник отступил в сторону, приглашая Юлю войти. Она подчинилась ему, зардевшись от смущения. И он ушёл. Почему не остановила его? Схватить бы за руку да выпалить всё махом... И – бежать, сгорая от стыда. Как вести себя теперь? Её взгляд блуждал по иконам, обрамлённым старым металлом, библейским росписям на стенах и свечкам, горящим ещё и потухшим давно. Она подошла к ним. Взяв кривой огарок, зажгла. Поставила. Воск распла-

вился и потёк по телу свечи. Иной мир, скрытый позолотой куполов и древностью икон, заморозил – мир божественных тайн, он спасёт. Мысли вернули её в ночь убийства. Зачем взяла в руки пистолет? Не понимала до сих пор, но надеялась докопаться до истины – хотела верить, что происшедшее есть правда и закон. Она пожалела вдруг, что пришла сюда. Для чего? Кому интересны её проблемы? Кто захочет открыть в ней грешницу? Если и примет Бог в райскую семейку ангелов, помиловав, то другие втопчут в грязь и заплюют. Она оглянулась на закрытую дверь: быстрее уйти! Воля манила. Жалкие мыслишки о покаянии – выбросить и забыть! Ведь живут же некоторые с клеймом на душе долго и счастливо! Нельзя надеяться на других. Юля повернулась лицом к двери, очень довольная принятым решением... Наперерез ей вышел из тени церковный страж.

В тишине его голос оглушил:

– Вы поставили свечу за упокой. У вас кто-нибудь умер?

– Нет ещё, – ответила Юля. – Все живы.

Перекрестилась бы, да не умела, не могла и обратиться к священнику, не обидев его своей тупостью.

– Вы хотите поговорить? – немного надавил молодой человек. – Я готов выслушать. Присядем. – Он усадил Юлю на истёртую скамейку. – Се чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твоё; я же – только свидетель...

– Я... я... – замялась она.

– Не волнуйся так, – улыбнулся он. – Здесь дом Божий.

Здесь открываются сердца. Желаете остаться наедине с Господом?

– Нет! Я согрешила, сильно согрешила, очень сильно! – Захлебнувшись сказанным, она с надеждой взглянула на священника, и он ответил кивком понимания.

– Не нам судить о тяжести грехов наших. Расскажи всё без суеты. Я внимательно тебя выслушаю.

– Я убила человека. – Он вздрогнул, но Юля уже перестала реагировать на него. Она вытолкнула свои чувства из темницы, в которой они тлели страхом: вперёд, быстрее, пока не наступило сожаление о содеянном! – Я убила человека, он хотел умереть. Но я могла и отказать ему, потому что он не заставлял меня стрелять. Он был сумасшедший. Я лишила его жизни и не сожалею об этом. Я поступила плохо, но... но... Что же мне делать? Я не чувствую большой вины.

– Если бы ты ничего не чувствовала, не пришла бы сюда. Твой грех страшен. И я не могу выбрать тебе дорогу. Как простой человек, посоветовал бы понести заслуженное наказание. Как священник, я уже принимаю у тебя исповедь и не имею права заставить тебя сделать что-то большее. Выбор за тобой.

– Но как... Как можно так говорить?

– Я всего лишь человек. Спроси у Господа, моли Его о спасении. Как твоё имя?

– Юля... Менцель.

– Так вот, Юлия. – Он наклонился к ней и зашептал чуть

не на ухо. – Божий суд будет не здесь, а там, когда ты представишь перед Ним. Мне не дано судить тебя. Если ты за этим сюда пришла... Молись! – сказал он, встал и ушёл.

– Да кому нужна моя молитва? – заорала она. – Кто её услышит? Он? – Она посмотрела на икону с женщиной и младенцем. Стало жутко.

Вскочив со скамейки, Юля понеслась к выходу.

Хвала Богу, она ушла! Девушка взволновала его своей искренностью и простотой. На свете почти не осталось честных людей. Многие приходят в храм и играют в веру, пряча в душах камни. Никто из них не скажет: «Вот, отец Василий, я такой, какой есть. Что мне делать?» Что делать?

Он подошёл к иконе и стал молиться, шепча слова, не поспевавшие за слишком быстрыми мыслями:

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Отче наш, слышишь ли Ты меня? Я принял сегодня исповедь, но я в смятении. Девушка очень приятна и внешне чиста, но – убийца. Ты её, конечно, простишь, ведь она покаялась. И убийца – пожизненный титул – будет ходить среди людей и думать о случившемся прощении. Будет спокойно жить, наслаждаясь существованием, пока не убьёт ещё кого-нибудь. А потом опять придёт в церковь – к Тебе! – принесёт покаяние и уйдёт. И Ты должен будешь снова её простить. Иначе она перестанет в Тебя верить и не предстанет перед Тобой больше никогда. А кому охота терять души? За каждую надо бороться. Замокнутый круг. В его цен-

тре совсем даже не Ты, а служащий Тебе. Я. Ведь только я на самом деле решаю... Какие опасные мысли. Мы все лишь Твои рабы... марионетки. Хочешь прощения – верь, не хочешь – не верь. Торговля душами идёт бойко и идёт вечно. Кому нужна моя? Отдам без торга! Плоть же оставляю себе. Здесь сталкиваются ваши интересы, интересы Двух. А когда дело доходит до личного противостояния, трудно определить истину: вершитель добра перед тобой или повелитель тьмы. Поступки ваши одинаковы в этот момент. Битва началась давно. Она продолжается с тех пор, как явился безлюдному миру Адам. Битва за человека. Так почему же он не может принять в ней участия? Почему он должен смотреть на бойню белого и чёрного со стороны в то время, как вечность окружает его, и два начала жизни раздирают его на части?.. Куда замахнулся?! Поставил себя выше Бога. Да кто ты такой? Раб, пыль! В порошок меня стереть не составит труда не только Тебе, но и любому из таких же плебеев-рабов, как и я сам. Знаю своё место! Усомнился – буду наказан, сгнию в аду. На колени! Молиться! Пока слова будут срывать с уст, пока мир не откажется от меня... Простишь ли Ты меня? Я же Тебе служу. Маленький таракашка в чёрных одеждах, принимающий такие же мелкие грешки... Но – убийство! Не мелкий грешок! Это – смертный грех. Отпустить его мне невозможно, даже если Ты говоришь моими устами. И не наказывать тоже нельзя. Око за око! Вор должен сидеть в тюрьме! Все мы умрём. Когда это случится, вы

схлестнётеся в схватке за наши души. Но это будет после, не сейчас. Сейчас мы живём сами по себе. Здесь мы принимаем решения, не вы. До вас дойдут лишь жалкие крохи нас, выживших здесь и не умерших от желания быть с одним из вас. В очередь! Господи, прости нас грешных. И сохрани...

В его ладони появился маленький чёрный телефон, вложенный туда велением больше Бога, чем дьявола. Он быстро набрал короткий номер.

– Здравствуйте, это отец Василий из Церкви святого Дмитрия. Я хочу заявить о правонарушении, возможно повлекшем лишение человека жизни...

Пока ванна наполнялась водой, Юля рассматривала в зеркале отражение своего тела: худые ноги, но ровные, попка есть, приятный на вид животик с небольшой прослойкой жира, без которого женщина похожа на голодающую заключённую концлагеря, вершины маленьких грудей украшены торчащими тёмными сосками. В общем, родители не сделали уродкой. Выключив воду, опустила в неё руку. Едва не обожглась. Залезла в ванну и медленно опустилась в горячую жидкость. Глаза закрылись в удовольствии.

Со дна сознания всплыли картинки из прошлого. Юля вывалилась в нынешнее дерьмо из хорошего детства, беззаботного, насыщенного множеством интересных событий. Родители ограждали её от грязи как могли. Редко когда у них не получалось воздвигнуть незримую стену между единственной дочерью и чёрными пятнами их совместного существования. Однажды... Мама на кухне ждала отца, попивая холодный чай. Юля не могла уснуть. И всё увидела, потому что в ту ночь дверь в её комнату осталась открытой. Он пришёл поздно – после полуночи. Взбесившись в секунду, мама обвинила его в предательстве. А он сказал, что много работал. Юля, поверившая в его честность, не поняла маминой истерики. Вдруг – звонкая пощёчина женщине, ставшей чересчур громкой и агрессивной. Мама вскрикнула и заплакала.

ла, а отец... Изменился резко: озверел. Содрал с неё одежду. Они повалились на пол, опрокинув стул. Он жадно целовал её тело. Юлия зажала рот ладонью, боясь даже вздохнуть. Мама закричала по-другому. Не став досматривать до конца, Юлия вернулась в кровать, подавленная увиденным...

Она окунулась в сон. Нужно выбираться из ванны, пока не захлебнулась и не умерла глупо. Голова закружилась, когда она поднялась из успевшей подостыть воды. Накинув халат, выскочила в прохладу. В дверь позвонили.

Саша пришёл. Отлично одет и с хорошим запахом, в руке – одинокая алая роза. Не улыбался совсем, пребывая в необъяснимой задумчивости, но ел её взглядом. Жажда женщины пёрла из него. В её голове шевельнулась мысль: сейчас или никогда. Произнеси хоть слово – испортишь всё. Осознавая это на уровне интуиции, в молчании протянул ей цветок. Она взяла и отступила на шаг, приглашая его в сети нежного паука...

12

Она смотрела ему в глаза, которые были чертовски красивы: мужчина с такой прелестью способен уложить в постель любую недотрогу. Сидела на его животе, как на троне, королева. Он держался – не позволял сползти взгляду на её тело.

Она спросила:

– А ты кто?

– В смысле? – Он в удивлении вскинул брови.

– В прямом. Мы соседи, а я о тебе совсем ничего не знаю.

– Можно представиться? – и улыбнулся, будто зная, что Юля могла за эти губы задушить кого-угодно.

– Угу...

– Александр Николаев. Тридцать лет. Потомственный столяр четвёртого разряда. Словом, не богат и не престижен.

– А я Юля Менцель, чёртова немка, не разбирающаяся в жизни и вечно страдающая по пустякам.

И зачем скатилась до анализа собственной личности, ведь он не только не спрашивал её ни о чём подобном, но и не намекал даже? Соскочив с него, она уткнулась лицом в подушку и заплакала. Саша положил руку на её мокрую от пота спину, ладонь прилипла к ней.

– Ты чего, а?

Она повернулась к нему лицом. Он хотел дотронуться до непонятных ему слёз, но почему-то не сделал этого.

– Жизнь полна вонючего дерьма! – выпалила она чуть ли не лозунгом.

– Почему ты так думаешь? Вот тебе, допустим, сейчас хреново, но завтра ведь будет хорошо! Понимаешь? Вот моя жизнь мне нравится. Я просыпаюсь утром и иду на работу. Там деревом свежим пахнет... Я тебя люблю.

Саша прижался к ней, а она проигнорировала его признание, хотя могла сказать что-то стандартное, подходящее к ситуации. Соскочив с дивана, он побежал в уборную.

– Ты куда?

– Щас вернусь.

Разглядывая туалетную дверь, пока за ней журчало и смывалось, Юля быстро отходила от истерики, непонятно по какому поводу накатившейся на неё. Она любила плакать – частенько даже без особой причины. К Саше она не чувствовала ничего или – совсем чуть-чуть, самую малость на границе между живым интересом и лёгкой влюблённостью. Да, она отдалась ему. Ну и что? С кем не бывает? Не повод для сожаления. Хотела этого давно. Неизвестно, последует ли продолжение: или будет вспышка, или загорится блеклым огоньком да погаснет от слабого дуновения ветра.

Выйдя из туалета, Саша в спешке оделся.

– Уже уходишь? – спросила Юля равнодушно.

– С друзьями сегодня встречаюсь. Надо идти.

– Нажрётесь опять...

– Не без этого.

Он думал о ней, натягивая на себя спортивный костюм, и мысленно касался её тела, одевая зимнюю куртку, вязаную шапочку и тяжёлые берцы, превращавшие его небольшие ступни в конечности робота-трансформера, которыми можно было и убить. Он жаждал повторения близости, запирая квартиру и бросая томный взгляд на Юлину дверь, но сразу забыл о своей любви, как только выскочил на улицу и вдохнул полной грудью холодный воздух свободы.

Он появился в бильярдной первым. Зал убаюкивал благодатной тишиной. Только Серёга – хозяин рая – за барной стойкой натирал пивные кружки огромным полотенцем, лежащим на его плече.

Саша махнул ему рукой.

Кивнув в ответ, Серёга спросил:

– Сегодня играем полнуюю?

– Надеюсь, дружище, – ответил Саша, подойдя к столу.

Играть полнуюю значило для бармена подносить пиво, когда то выпивалось, не спрашивая, хочет ли гость ещё, а для Саши и его друзей – медленно утопать в алкогольном тумане вплоть до отключения мыслительных функций головного мозга. В редких случаях они гоняли шары трезвыми – с приглашёнными коллегами или дешёвыми блядами.

Саша провёл ладонью по зелёному бархату – выпитал ко-

жей его приятную сухость. Взяв свой именной кий, он на-
тёр его кончик мелом, прицелился и ударил. Шары разлете-
лись. Один упал в лузу. За спиной кашлянули. Саша повер-
нулся. Серёга держал на подносе запотевшую кружку пива.
День обещал блаженство.

Когда появился Виталик, Саша уже немного опьянел: ку-
пался в приятных ощущениях, ещё не смешанных с похме-
льем от ранее выпитого. Друг мучился отходняком от вче-
рашнего. Так и хотелось поднести ему лекарство на блюдеч-
ке и, поглаживая головку, уложить в кровать, спев песенку
про усталых игрушек, только бы не страдал человек.

– Как ты? Когда успел? – без прелюдии насел на него Са-
ша, оставив пока игру.

А страдалец между тем пил большими глотками прохлад-
ное пиво от самого лучшего парня в мире, имя которого свя-
то в похмельной мясорубке. Пока не осушил кружку, не ска-
зал ничего.

– Хорошо провалилось, – прокряхтел после.

– Ты где вчера успел нажраться?

Серёга принёс ещё. Теперь – не торопиться и наслаждать-
ся.

– Да мы тёлочка цапанули... – Он затих, вспоминая прошед-
шую ночь. – С Лёхой. Где он?

– Это у тебя надо спросить.

– Не знаю даже... Обещал сегодня быть.

– Сыграем... А потом расскажешь. Всё! Когда разберёшь-

ся с мыслями и вспомнишь, где потерял нашего друга.

Виталику совсем не хотелось касаться кия, а от вида шаров тошнило. Силы, покинувшие его в попойке, никак не возвращались. Заразившись безволием друга, Саша осторожно положил кий на стол – не тронуть шары! – и присел рядом.

– Ну, что случилось? – хлебнул пива. – Не дала, что ли?

– Дала, – совсем уж без эмоций ответил Виталик. – Всё отлично. Просто великолепно. Три одновременных оргазма за ночь. До тошноты приятно. Эх... – Он заглянул в кружку – обнаружить некую последовательность в движении пузырьков. – Настохренело!

– Опять! Хорошенькая попалась? Умная? Вот бы жениться, наплодить ребятишек и уйти на покой! – Саша вдруг вскочил и хлестнул Виталика злым взглядом. – Не надо! Не дай себе утонуть в болоте! На них не стоит растрачивать жизни, поверь. Ты ж не хочешь потом выслушивать всякое о твоей неправильности?

– Не хочу.

– А так будет! – брызнул слюной Саша. – Как только вы станете партнёрами по семье, ваше партнёрство сразу аннулируется. Она быстро надоеет тебе, а ты ей примелькаешься. Начнёте друг друга менять. И закончите полным говнищем!

– А вдруг любовь... – тихо сказал Виталик и замер.

Саша попытался представить Юлю в образе своей жены с младенцем на руках. Не получилось.

– Это разные вещи – семья и любовь, – сказал он. – Чувства в семье всегда умирают. Брачный союз не создан для них. Это только материальный союз, где каждый перегружен обязанностями, имея очень мало прав. Любовь же – за рамками всяких законов. Подумай хорошо, прежде чем прыгнуть в пропасть.

Виталик хитро улыбнулся:

– А ты любишь кого-то!

– Это тебя не касается.

На том и ударились кружками.

Вдруг запиликал мобильник у Виталика.

– Алё... Я... Фу ты, чёрт, не узнал, богатым будешь... Ну ты дал!.. Опиши место... Хм... Скоро приедем. – Он убрал телефон в карман.

Саша терпеливо ждал объяснений.

– Это Лёха. Странная история...

– Рассказывай!

– Говорит, не в курсах, где находится... Без денег совсем, бухой в доску... Баба там его вчерашняя. Хочет, чтобы мы приехали и забрали его. А то, говорит, пропаду...

Виталик снова взял телефон в руку. Невидимый собеседник долго не отвечал.

– Алё! – крикнул победно. – Привет, мой котик! Как спалось?.. Мне тоже без тебя совсем-совсем плохо...

Саша прижался ухом к тыльной стороне телефона, коснувшись тёплой мокроты Виталькиных пальцев.

– Встретимся сегодня? – спросил Виталик.

– Извини, не могу. Мать приболела. Да ты знаешь. – Голос дамы благоухал нежностью, признал Саша.

– Мне очень жаль, котик... Тут такое дело. Адресок по-други не подскажешь?

– А зачем она тебе? Хочешь и её затрахать до смерти?

– Я не собираюсь менять тебя на худшее. Ты лучше всех... У неё Лёшка завис, нужно вытаскивать. Шеф требует...

– Да как же вы будете работать пьяные?

– Мы профи. Пашем даже мёртвые.

Там засмеялись:

– Записывай...

Саша оторвал ухо от телефона. Проблема разрешилась без его участия.

– Орджоникидзе три, квартира девять, – повторил Виталик. – Записал... Позвони сегодня, котик... Я тоже очень сильно.

Отключив связь, он выдохнул:

– Поехали!

Они расплатились с очень удивившимся Сергеем, пообещав, что ещё вернутся, и выбежали из бильярдной.

Лёху занесло в самое сердце окраинной Пролетарки – бывшего рабочего посёлка, окружённого с трёх сторон заводами, производственными базами и автотранспортными предприятиями, четвёртой упиравшегося в огромный пустырь. Однотипные двухэтажки с потрескавшимися стенами и глазницами грязных окон, уродливые на фоне белого снега, вгоняли в депрессию, хотя летом тут расцветал рай.

– Туда! – сказал Виталик, разглядев номер на ржавой табличке, прилепленной к торцу одного из домов, и они направились к выбранной цели.

Безлюдно вокруг: некому было, сравнив их с собой, признать абсолютное превосходство крутых парней из центра над почти деревенскими аборигенами.

Чужих тут не особо жаловали. Занесённая снегом подъездная дверь не желала открываться. Виталик ударил её ногой. Полетела грязная труха, дверь поддалась со скрежетом. Всегда, наверное, так, не только зимой. Шагнули без страха в липкую темноту подъезда. Оттуда резануло мочой. Саша вдавил кнопку звонка до упора, когда остановились напротив нужной квартиры. Никто не ответил. Пришлось постучать костяшками пальцев и стукнуть кулаком пару раз. Опять тишина.

– Звони на телефон, – сказал спокойно.

Быстро набрав нужный номер, Виталик начал считать длинные гудки...

– Слушаю! – донеслось пьяное.

– Ты чего не открываешь?

– Кого?

– Дверь входную! – и в гневе треснул ладонью по мутному глазку.

– Секунду...

«Секунду» продолжалось чуть больше десяти минут. Виталик снова потянулся за телефоном, но дверь с мерзким скрипом провалилась внутрь квартиры. Явившийся им человек когда-то был Алексеем Друздем, их верным товарищем и хорошим другом, а сейчас на них пялилось помятое пугало, разбитое спиртным и дышащее ядерным перегаром.

– Ребятки! Привет! – Он полез обниматься.

Они не могли не поддаться сентиментальному порыву: обнявшись, похлопали друг друга по спинам. Зашли. Внутри, где на удивление сияло чистотой, если не считать разобранной кровати с голой женщиной, глотнули настоящего домашнего тепла. Девка не спала – была сильно пьяна. Отодрав голову от подушки, посмотрела на незваных гостей.

Пролепетала еле слышно:

– Маль... чи...

Лёха стоял, покачиваясь, и громко глотал минералку из пластиковой бутылки.

– Хочешь? – спросил Виталика, показав пальцем на жен-

щину.

Тот помял промежность рукой:

– Не отказался бы...

– Только не надо блядства! – поспешил остановить оргию Саша. – Совсем охренели! Одевайся! Идти сможешь?

– Если поддержать, – ответил Лёха, побелев в секунду, и блеванул прямо на ковёр.

– Ну ты и свин! – выругался Саша. – Собирайся давай.

Хозяйка уже похрапывала, провалившись в глубокий похмельный сон. Проснувшись, будет гадать, как же не успела добежать с блевотиной до клозета. Лёху вспомнит, но – урывками. Красивая, чертовка. Такому бы телу да ума. Виталик помог немощному другу натянуть брюки, а он всё валялся на пол, грязно ругаясь. Кое-как всё же оделись. Саша вызвал такси. Пока ехали, Лёха умудрился запачкать рвотой спинку переднего сиденья и коврик под ногами, да ещё всю дорогу крыл матом таксиста. Водила, потеряв терпение, заматерился в ответ. Пришлось доплатить. Саше быстро надоело это дерьмо, поэтому он попросил заехать сначала к нему. Никто не стал возражать. Его высадили на автобусной остановке. Проводив машину с друзьями взглядом, полным ненависти, он пошёл домой, спрятав руки в карманы и вжав голову в плечи.

Возле подъезда стоял полицейский «уазик», за рулём которого курил прыщавый паренёк в форме. Когда их взгляды встретились, Саша оцепенел. Коп определённо подозревал

его в чём-то, хотя, может быть, и не только его, а всех, на кого так смотрел: профессиональное – цепкий взгляд-поводок. Саша дёрнул ручку подъездной двери и услышал звуки возни, мужскую ругань и...

Юля!

Не зов о помощи, а боль:

– Не надо! Не тронь!

И отчаяние:

– Я не виновата! Он сам так захотел!

Саша в ужасе прижался спиной к холодной стене, но паника, лишь коснувшись его, проскользнула мимо, обдав неприятным холодком... Он сам так захотел... Что случилось? Мимо пронеслись, скатившись по лестнице, два здоровенных мужика. Между ними – скрученная Юля, плачущая и любимая.

– Дорогу, мудака! – рявкнул один, дыхнув дешёвым табаком, и ударил острым локтем под рёбра.

Саша, подавившись болью, согнулся.

– Отпустите меня! – кричала она... Юлечка!

– Эй! – только и смог прошептать он, потянувшись к ней рукой.

Один услышал. Вернулся. Врезал кулачищем в живот.

– Заткнись, я сказал! – и выбежал на улицу.

Юлю запихнули в «уазик». Взревел двигатель. Уехали. Без сил Саша опустился на ступени. Хотелось плакать от боли и несправедливости, но слезы не текли по щекам, а сжимали

горло и душили.

Чуть руки не оторвали, а могли запросто: схватили своими клешнями, потащили... Потерев запястья и локти, Юля нащупала несколько царапин – да там и огнём полыхало. Она взаперти – за дверью под большущим замком. Что в тюрьме, уверена. Куда ещё могут копы доставить арестованную? Только тюрьмы бывают разные: в одних лечат от преступлений, в других лишь ставят несмываемые клейма на заблудшие души. Она видела их автомобиль, ей также удалось запомнить угол и одну из стен здания, в которое её занесли, и чёртову железную дверь, лязгнувшую ржавым засовом. Они пинком отправили Юлю в неизвестность. Она свезла щёку о бетонный пол. Хоть наручники сняли, гады.

Она встала на колени, дрожа от холода и страха. Дальше – подняться на ноги и, нащупав в темноте койку, завалиться спать до прояснения ситуации. Рванулась резко – вот и стоит, окружённая ничем, но уже не в позорной позе. Выбросила вперёд правую руку: нужно дойти до стены – коснуться края окружающего пространства и убить в себе невыносимое ощущение бесконечности Вселенной. Шагнув туда, упёрлась ладонью в холодный бетон. После достижения столь желаемой цели накатило облегчение: пустота обрела границы, впрочем, размытые пока. Можно двигаться дальше. Ладонь заскользила кожей по острым песчинкам и камушкам, но так

было скучно. Перейдя на пальцы-ножки, Юля пошла ими по штукатурке, как ребёнок, играясь. Упёршись в угол ко-
стяшками, повернула налево.

– Идёт бычок... качается... вздыхает на ходу... а досточка
кончается... сейчас я упаду, – шептали её сухие губы.

Кожа леденела. Обхватив себя руками, Юля задрожала
и не согрелась. Дотронулась до голых ног: только трусики,
даже одеться не дали. От мыслей о наготe замёрзла ещё боль-
ше. Спасение в движении – прописная истина.

– Идёт бычок, качается... – Замахала руками, как крыльями,
без надежды превратиться в птицу и упорхнуть отсюда
навсегда, но оторваться от пола не удалось. – Вздыхает на хо-
ду... – Дрыгнула ногой, потом другой, словно взбесившаяся
кобылица, попрыгала немного. – А досточка...

От разведённого маразма стало тошно. Немного согре-
лась, и то хорошо. Она усомнилась вдруг в самой возможно-
сти существования мебели в этой реальности: ни стола, ни
табуретки, а о кровати с пуховым одеялом оставалось только
мечтать.

Юлю заперли внутри пустого чёрного куба без выхода.
Неужели такое возможно в цивилизованном мире? Холод
не отступал, а двигаться уже не хотелось, только – умень-
шиться в размерах, чтобы удержать в себе остатки тепла,
и застыть. И неизвестно чего ждать. Переполненный моче-
вой пузырь надавил на низ живота – резануло болью. Спу-
стив трусики, Юля присела на корточки. Горячая струя с шу-

мом вырвалась из тела, разлилось блаженство назло её мучителям. Вспомнились последние прожитые часы – бумерангом вернулись из прошлого подзабытые картинки...

Валялась, дремала немного, почитывая. Что? Какую-то кровавую муть. Временами засыпала ненадолго, утомляясь вереницами букв. В дверь позвонили... Нет, треснули кулаком. Один раз. Но этого хватило, чтобы Юля соскочила с дивана. Сразу и не сообразила ничего.

Испуганно:

– Кто там?

– Дед Пихто! Открывай! Полиция!

И снесли дверь с петель. От грохота можно было зайкой стать. В квартиру влетели два бугая. Руки с жирными растопыренными пальцами потянулись к юлиному горлу. Обхватив его, сдавили. Она повалилась на пол, душитель – за ней. Тиски сжались сильнее. Глаза вылезли из орбит, изо рта побежали слюни. Свет померк. А они не останавливались.

– Ты зачем, сучка, валишь невинных людей? А? – проскрежетал душитель.

– Стас, хватит!

Хватка ослабла. Юля задышала быстро и глубоко. Зрение постепенно вернулось, но разглядеть себя копы не дали.

– Секунду! – с хрипотцой ответил Стас. – Подожди малёхо, командир!

Его мозолистая ладонь залезла Юле под майку и, разорвав её, скользнула к груди. В её тело впились острые ногти. Она

застонала от боли. Стас усмехнулся, дыхнув на неё вонью.

– А сиськи у тебя классные, – сказал рот Стаса, потому что сам Стас-полицейский не мог себя так вести из профессиональных соображений.

– Стас! – злобно заорал второй. – Я сказал, берём её и уходим! – Рука нехотя отпустила грудь. – Юлия Менцель, вы обвиняетесь в убийстве Александра Гунова. Ордер на ваш арест имеется. Потом покажу.

Стас рывком поднял её с пола. Они взяли её под локти и вытащили из квартиры на свежий воздух...

В жизни случается всякое. Надо было не орать в подъезде лишнее. Так глупо призналась во всём, поддавшись панике... Натянув трусики обратно, Юля отпрыгнула в сторону, чтобы не наступить в лужу мочи. Жажда придушила её мохнатой лапой. И ни капельки слюны. Облизав шершавым языком наждачное нёбо, Юля кашлянула. Отозвалось эхом за спиной... Другой кашель, не её. Она резко обернулась.

Саша еле волочил ноги, поднимаясь на свой этаж: его тело отказывалось идти быстро, да и живот ныл. На одной из ступенек его стошнило и он блеванул. Отдышавшись немного, посмотрел на расплескавшуюся по затоптанному бетону кляксу рвоты. Огнём на лице вспыхнул стыд за сотворённую в собственном доме гадость. Но это ничего, завтра уберёт, когда отойдёт от шока. Преодолевая ступени, размышлял: «Обычное недоразумение... он сам так захотел... он сам так захотел... чушь полнейшая... кого-то обидела... нет, не могла... эта сама невинность скорее всего и муравья в жизни не тронула... подстава, грубая подстава...» Наконец доковылял. Юлина дверь колыхалась в сквозняке. Прикрыл её. Стрельнуло болью в голове. Быстрее домой! Свинцовые ботинки слетели с ног. Не раздеваясь, рухнул лицом в подушку. И только полежав немного без движения, успокоился. Захотелось пить. На кухне сделал чаю. Горячий и крепкий хорошо пошёл. А в голове не унималась буря.

В подъезде противно заорал кот. Соскучился, наверное, по хозяйке. Увидев внезапно появившегося перед ним человека, Борман прижался пузом к полу, испугавшись нежданного визитёра. Саша впустил животину в её же дом и осторожно вошёл в пустую квартиру вслед за ним, чтобы накормить бедолагу. Котьяра трясся от страха, но голод толкал

его к чужаку: мурчал и тёрся шкурой о ногу, которая могла и пнуть. Плеснув воды из-под крана в грязную миску, Саша обыскал все кухонные шкафы, но не нашёл кошачьей еды. Пришлось бросить ему кусок чёрствого хлеба. Кот с жадностью впился в него зубами.

Снова у неё – теперь в одиночестве. Странность происходящего выпирала за грани разумного. Внезапно Саша утонул в ностальгии: он искал Юлю голодными глазами, но не находил... Совместно пережитые мгновения счастья ворошились памятью.

Нервный молоточек застучал внутри. Что можно придумать? Да хотя бы узнать для начала, за что её взяли и куда увезли. У неё ведь есть отец – видел его несколько раз в подъезде и во дворе. Найти его. А вдруг Юля действительно что-то натворила? Во что верилось с трудом... Бесплезная суета раздражала. Пусть папочка сам вытаскивает её из дерьма! Цена одной ночи казалась выше в темноте, а с другой стороны... Саша свалился без сил на диван. Здесь он её любил... Любил. Как смешно! Он даже не догадывался о её чувствах. Их отношения только завязывались. Жизнь должна была расставить всё по полочкам. Соскочив с любовного одра, он подошёл к шкафу и с замершим сердцем открыл его. Руки сами потянулись к нижнему белью: разноцветное, воздушное... Он погладил его. Оно хранило тепло и изумительный запах её тела. Он одёрнул руку и захлопнул дверцу, испугавшись содеянного.

Заметил на столе потрёпанный блокнот. Полистал. Бесчисленные цифры, имена, фамилии. Ни одной знакомой. Вот оно! Папа. Короткое нежное слово. Саша заметался по комнате в поисках телефона. Нашёл его на подоконнике между цветочными горшками. Но услышал лишь длинные гудки в ответ на попытки соединиться с выбранным номером. Может быть, папаша сам всё узнает? Ему сообщат нужные люди, когда придёт время. Не стоит вмешиваться, конец суете... Саша сбежал из переполненной проблемами квартиры. Борман проводил его немигающим взглядом.

Генеральный директор фирмы «Стройкомплект» Алексей Николаевич Менцельпил виски в глубоких раздумьях. Юлька довела его до психического истощения своими аморальными деяниями, интервалы между которыми в последнее время ощутимо уменьшились. Она скатывалась в бездну, а у него не хватало сил изменить траекторию её падения. Назойливый вопрос терзал его уставший мозг: почему нормальная деваха стала вдруг депрессивной алкоголичкой? Он утопал в кресле, а в телевизоре картонные подобия людей распутывали клубки нереальных жизненных проблем – придурки понятия не имели о настоящем дерьме. Менцель потянулся к пульту – выключить зомбоящик. В пояснице хрустнуло и отдалось болью. Со стоном он надавил на красную кнопку. Экран погас. Тишина зазвенела в ушах.

Плеснул в стакан из угловатой бутылки. Она быстро пустела, но хмель не брал... Лёд растаял. У тёплого бурбона появился отвратительный кукурузный привкус. Залпом выпив полстакана, Менцель сморщился. Мысли скользили по волнам опьянения, не требуя особых усилий для направления их в нужную сторону. Катилось само. Пробежавшись блуждающим взглядом по опостылевшему убранству своей берлоги, он остановился на книжной полке: рядом с потрепанными томиками Набокова лежал покрытый толстым сло-

ем пыли семейный фотоальбом. Менцель с трудом оторвался от кресла. Полка шевельнулась вместе с куском стены, на которой висела. Он закрыл глаза и увидел кипящую темноту, а когда вернулся в свет, мир вновь обрёл материальную твёрдость.

Подошёл к книгам и провёл пальцами по корешкам переплётов, сдул с них пыль – она взметнулась к ноздрям. Чихнул. Альбом приятной тяжестью лёг на ладони. Боясь открыть его, долго разглядывал выдавленные на обложке узоры. Под ней жизнь, какой она осталась в памяти: Люба с Юлькой радуются, не ведая, что случится с ними, искрятся молодость и беззаботность... Всплакнул от жалости к утраченному. Так и не открыв, положил альбом на место и выпил остатки виски прямо из бутылки без всякого льда. Стена снова дрогнула.

Под ногами валялась пачка сигарет. Из-за болей в позвоночнике Менцель не мог нагнуться и поднять её, поэтому уселся на пол рядом с ней, чтобы не гнуть спину дважды. Никотин немного прочистил мозги. Пепел падал на паркет и разносился холодным сквозняком по комнате. Вспомнил про открытые форточки: надоело задыхаться, а теперь мёрз... Включился поставленный на таймер магнитофон – пришло время насладиться Джими Хендриком. Проникся им ещё в молодости, мог глотать его блюз бесконечно и пить – из новой бутылки – дальше. Частенько так делал, когда жизнь чернела на глазах: Джими и бурбон, пока страх

не уходил, именно это чувство или одна из его извращённых форм.

Менцель хотел напиться под плачущую навзрыд гитару и надрывный голос Хендрикса. Алексей всегда мечтал спеть с ним: кто знает, может быть, на том свете встретятся где-нибудь на пустынном перекрёстке две души и затянут на пару песню про огонь... Как очутился в ванной, не помнил. Умылся, чтобы вырваться из лап сна, и заглянул в зеркало. Оттуда на него пялился смертельно уставший старик, к тому же мертвецки пьяный. Захотелось дать ему по морде за такой взгляд, но вместо апперкота Менцель харкнул деду в лицо и громко засмеялся. Слюна медленно поползла по зеркалу вниз. Какая мерзость, успел подумать Алексей, прежде чем стекло поплыло. Оно стало похожим на тазик с водой, поставленный на бок. Почему жидкость не выливалась из него? Потрясённый до глубины души Менцель коснулся поверхности, подрагивающей от его дыхания. Пальцы утонули в холодной воде. Он в отвращении одёрнул руку.

– Господи... – шепнул он, уставившись на мокрые ногти. – Господи, пощади...

А когда поднял глаза... На него смотрел Джими Хендрикс. Сам. В его взгляде читалась бесконечная грусть, а сдвинутые в напряжении ума густые брови и толстый нос превращали чернокожее лицо в мраморный лик древнего мыслителя. Плотные сжатые пухлые губы с тоненькой полоской усиков лишь подчёркивали глубокую задумчивость. На его голове

кустилась непролазными зарослями чёрная шевелюра. Кого ты оставил умирать в истоме ради сумасшедшего инженера, Джими?

– Ты кто? – спросил Менцель.

– Джими, который Хендрикс, – с улыбкой ответил тот.

– Ты настоящий, Джими?

– Как огонь.

Алексей понял, он имеет в виду не адское пламя, а чистый небесный свет.

– Что у тебя есть... для меня?

Менцель знал его следующие слова и мог произнести их раньше него.

– История о том, как я умер. Очень грустная... – ответил Хендрикс.

– Ты думаешь, она нужна мне?

Джими снова улыбнулся:

– Невозможно сбиться с предначертанного пути. Вот я в своё время... Мы с Моникой тогда так загудели! То был настоящий фестиваль, понимаешь, и только для нас! Двое и море героина. Мы плавали в океане любви, качались на его волнах. Она не боялась, а я... Я давился ужасом... Как-то всё пошло не так. Я чувствовал, что за мной наблюдают. Он следит.

Хендрикс побледнел, будто к его горлу внезапно подкатилась тошнота.

– Кто? – спросил Менцель, испугавшись за кумира, и при-

знался себе, что Хендрикс всё ещё был для него божеством, но не тем, кому можно излить душу и получить за это отпущение грехов, а пастырем, который ведёт по жизни к маячному свету, скрытому за горизонтом.

Белея на глазах, Хендрикс понизил голос до шёпота:

– Он дышал мне в затылок. Я не хотел видеть его, настолько велик был мой страх. Он явился мне, когда Моника взорвалась бесконечным оргазмом. Я даже предполагаю, это он довёл её до иступления, прикрывшись моей личиной. Он долго смотрел на меня и молчал.

– Да кто это был?

– А потом рассказал о своей смерти... Мне пришлось... Я сожрал кучу таблеток, чтобы уснуть и больше никогда не видеть его. Мне жаль, но я должен был.

– Я сгораю от нетерпения, Джими. Кто?

– То был я! Я! Я! Я!

Хендрикс начал тонуть, пуская пузыри. Схватившись за горло, он погружался в бездну, быстро удаляясь от Менцеля. Алексей в естественном порыве спасти утопающего протянул к нему руки, но они упёрлись в зеркало, а в пучине застыло перекошенное ужасом лицо пьяницы... Джими пел про огонь, извлекая из своей гитары всё, на что та была способна. Безумную музыкальную медитацию прервал телефонный звонок. Менцель вздрогнул, миг вернувшись к реальности. Выключил музыку, чтобы не упустить чего-нибудь важного. Прощай, Джими!

Звонил Виктор, главный инженер:

– Алексей Николаевич? – Он всегда начинал так: спрашивал, будто боялся услышать не шефа, а кого-нибудь другого.

Менцель не ответил.

– Алексей Николаевич? – повторил Виктор.

Пьяно:

– Что случилось, Вить?

– У нас серьёзные проблемы. «Водный мир»... Он рухнул.

Крупнейший объект, спроектированный «Стройкомплексом» за всё время его существования, отнял столько сил... Не задело.

А Виктор продолжал, казалось, убивать:

– Погибли люди, десятки... Купол не выдержал снеговой нагрузки... Ошибка в расчётах... Я ведь предупреждал...

Было дело: свою правоту доказывал слишком настойчиво, а Менцель не переносил дерзостей, но и не уволил умника, потому что ценил. Вдруг дошло... Точка. Он выронил трубку. Дело всей жизни перестало существовать, да и сама она этим, собственно, закончилась. А как иначе, если питавшие её соки вдруг иссякли? Нет больше живительной влаги, ни капли не осталось. Чем ещё закончится этот кошмар? Лучший архитектор города – убийца с большой буквы. Свет инженерной мысли – в тюрьме. Бред, который уже становится реальностью. Расхотелось пить, и бутылка полетела в угол. Земные блага упали вдруг в цене. Открыть окно... Прыгнуть. Лететь и громко кричать... Смотрел в пропасть, уни-

мая дрожь в ногах. Холодный ветер бил в лицо колючим снегом. Темно и тихо там. Его не сразу найдут. Будет время содохнуть, если не получится убиться мгновенно. Испугался, что не увидят его ухода, не поймут причины, назовут психом... Нужна записка – отлить в словах свою последнюю волю. Подбежав к письменному столу, схватил карандаш и помятый клочок розовой обёрточной бумаги. Повертел его в руках и выбросил. Предсмертная записка должна иметь более пристойный вид.

На белоснежном листе:

«Я ухожу, потому что...»

Карандаш оторвался от бумаги. Не так. Зачем объяснять причину? Слишком просто... Перечеркнул.

«Дорогая доча...»

Опять фальшиво. Взял новый лист.

«Любимая моя доча. Я поступил плохо. Знаю, будут слёзы, несмотря на всё, что было между нами. Прости, если сможешь. Без меня тебе будет легче жить. Иногда я был с тобой нечестен. Я уничтожал нас своей тупостью. Я потерял всё. Дальше жить не имеет смысла, только если – существовать, а этого я не хочу. Всегда твой папа».

Он засунул записку под цветочный горшок, чтобы её не унесло ветром. Распахнутое окно на этот раз не вызвало приступа страха: Менцель успокоился, поставив точку в своей жизни. Теперь его ничего не могло остановить. Он уверенно взобрался на подоконник и бросился вниз. Земля прибли-

зилась очень быстро: даже крик, не успев вырваться из горла, захлебнулся в ударе об асфальт. Свет погас до того, как вспыхнула сильнейшая боль.

Из темноты раздался дрожащий женский голос, как из ада:

– Не надо бояться. Меня зовут Лиса.

Нельзя сказать, что Юля сильно испугалась, но вздрогнула от неожиданности. Пришлось порядком напрячь зрение, чтобы различить во тьме размытые очертания человеческой фигуры.

– Я ещё не разозлилась. Ты не представляешь, какая я бываю злока. – Незнакомка шутливо рыкнула. – Лисой быть ужасно плохо, мерзко и отвратительно. Я не хочу быть ею, но кто-то должен занимать её место.

– Кто здесь? – спросила Юля. – Как ты сюда попала?

Её воображение отчётливо нарисовало девочку с длинными волосами, одетую в розовую ночную рубашку.

– Я здесь живу. Это моя норка. Ты пришла ко мне в гости. Убирайся отсюда! Не тронь меня, а то покусая!

Маленькая сумасшедшая стерва, от которой можно ожидать чего угодно. Захватить лидерство в этом дуэте – вот основная задача, которую надо во что бы то ни стало решить, иначе ситуация выскользнет из-под контроля, ведь безумцы большей частью непредсказуемы.

– Слушай, подружка, у меня предложение: хочу тебя пошупать. Я должна убедиться, что ты существуешь. Идёт?

– Нет! – рывкнула Лиса. – Не приближайся ко мне! Не прикасайся! Ты – ночь! Я очень сильно тебя боюсь.

– Видишь меня? Думаю, да. Ты попала сюда раньше меня. Твои глаза уже привыкли к темноте.

– Тень... Как я могу тебе верить? Ты говоришь лживым голосом.

Как занесло её в эту холодную дыру? Опасна она или невинна? На эти вопросы необходимо получить ответ как можно быстрее, а с другой стороны, любое давление извне наверняка напугает девочку и загонит её сознание в такие дали, из которых её не вытащит ни один психиатр.

– Эй, Лиса! Хочешь на волю? Я могу это устроить.

С усмешкой ответила та:

– Отсюда нет выхода.

– Как же мы сюда попали? – подбросила ей надежды.

– Да? Хорошо. Ты знаешь правду. Я верю тебе. Иди ко мне.

Что-то уж очень легко клюнула.

– Слушай, Лиса. Вместе мы будем сильнее. Командная игра, понимаешь?

– Замолчи! Ты говоришь слишком сложно. Просто подойди.

Странные перепады настроения у девчонки смутили Юлю. Она вытянула вперёд руку и пошла к сгустку темноты, забившемуся в угол. Двигалась уверено и быстро, пока пальцы не коснулись мягкого тела.

– Ой! – воскликнула она, одёрнув руку.

– Ой! – отозвалась Лиса.

Переборов внезапно накотившийся страх, Юля дотронулась кончиками пальцев до чужого плеча, скользнула по шее и волосам... волнистые и мягкие... большая грудь, закованная в жёсткий лифчик... плоский живот. Лиса натянулась струной.

– Не бойся меня, – шепнула Юля.

И завершила исследование: образ Лисы стал вполне реальным. Теперь Юля её ощущала и не чувствовала себя дурой, болтающей с пустотой. Лиса – человек.

– Как тебя зовут по-настоящему? – осталось спросить, чтобы рухнули последние преграды между ними.

Не получив ответа, Юля вздохнула и отступила на шаг, неопределённость и собственная беспомощность нагнали тоску. Что-то большое и важное оказалось в её руках после долгих поисков, но вдруг ускользнуло сквозь пальцы, не получилось проломить внезапно выросшую стену. Развернувшись резко, Юля отошла от Лисы, снова превратившейся в безликую тень. Девчонка зарычала и кинулась на неё. Острые ногти вонзились в её плечи, а зубы – в шею. Она заорала. Оторвать от себя сумасшедшую сразу не вышло – прилипла намертво. Обожгла резкая боль, потекла кровь. Не устояв на ногах, они упали на пол. Юля пихнула Лису пяткой в живот. Та отползла в свой угол, там и затихла. Застонав, Юля зажала рану ладонью и заревела, унижения невозмож-

ностью что-либо изменить. Лиса, шевельнувшись в темноте, прокашлялась. Юля приготовилась отразить следующую атаку.

– Никогда, – зашипела Лиса, – не поворачивайся спиной к зверю!

Юля не ответила, задушенная слезами.

Лиса завелась:

– Ты чуть не умерла! Когда я вижу спину, ничто не может меня остановить. Надо быть внимательной.

– Иди к чёрту, дура! – воскликнула Юля.

Лиса затянула монотонную галиматью без начала и конца:

– Мы будем вместе... вместе... навсегда... нас не разлучит красная вода... которая зовётся кровью... и отдаётся в жилах болью...

Пустота вернулась, холод стянул кожу. Юля сжалась в комок в надежде унять охватившую тело дрожь. С Лисой нужно что-то делать – страшно становиться врагом безумной и нельзя считать безумную врагом. Должен существовать ключик к её сознанию, но как его отыскать, когда Лиса напускает столько мути?

– Мы можем помириться, – сказала Юля, когда успокоилась. – Знаешь как? Берут два человека друг друга за мизинцы, трясут ими и повторяют громко: «Мирись, мирись и больше не дерись, а кто будет драться, тот будет кусаться».

– Я хочу с тобой дружить. Только мизинец тебе не дам.

– Отлично, мир! – обрадовалась.

Неожиданно вспыхнувший свет иголками вонзился в глаза. Они закрылись ладонями, пытаясь спастись от убийственных лучей. Лязгнул замок, дверь открылась... Тяжёлые шаги вошедшего, что-то мягкое упало на пол.

– Оденьтесь, дамочки, – сказал незнакомец.

Шаги удалились, проскрежетало железо в замочной скважине и свет погас. Опять придётся бороздить темноту – совсем против воли. Оставалось надеяться, что подкинутый им сюрприз не в единственном числе. Юля боялась новой грызни, а от следующей мысли улыбнулась: смотрит сейчас какой-нибудь жирный ублюдок реалити-шоу с их участием, потягивая пивко и закусывая солёными орешками, и хохочет над их неловкими движениями, а бедные девушки не в курсе... Юля побежала и пришла к финишу первой. Конкурентка, замешкавшись на старте, ринулась в бой, когда Юля уже закончила перебирать шмотьё на ощупь и оставила себе лучшее: джинсы, в которые надеялась влезть, и футболку. Куртки тёплой только не нашлось, хотя зачем она ей в тюрьме? Не отпустят ведь... Остатки вещей швырнула в сторону предполагаемого нахождения Лисы.

Снова включился свет, но на этот раз никто не пришёл. Когда зрение вернулось, Юля увидела Лису... Тупая блондинка неопределённого возраста, наверняка ширяющаяся напропалую. Средний кобель заскочит на такую с радостью. Смотрела со страхом и любопытством. На её руках виднелись немного припухшие ссадины, которые скоро превратят-

ся в синяки, если не приложить к ним лёд.

– Вот и увиделись, – сказала Юля.

Верхняя губа у Лисы дёрнулась, её дыхание замедлилось, а взгляд остекленел. Она стремительно погрузилась в свой особенный мир.

– Лиса! – позвала Юля.

Не ответила. Возможно, внезапные чередования темноты и света так на неё влияли, усугубляя душевную болезнь. Злиться на больных людей нельзя, но покусанная шея ныла, да и чёрт с ней, с шеей! С Лисой не спать на одной койке, поэтому и волноваться по поводу случившегося нет надобности, лучше принять её, какая она есть, и не пытаться расколоть голыми руками кусок гранита.

Опять открылась дверь. Толстая женщина в униформе принесла поднос с двумя оловянными тарелками, парой ложек и ломтями тёмного хлеба. Посуда была мятая, словно ею частенько стучали по полу негодующие заключённые, требуя добавки. И аромат... Пространство быстро наполнилось пьянящим запахом только что сваренного горохового супа. Поставив поднос на пол, женщина ушла, не проронив ни слова. Лиса, ожив вдруг, жадно схватила тарелку, едва не опрокинув вторую, и вернулась в свой угол. Она быстро глотала густой суп, запихивая в рот большие куски хлеба и не отводя взгляда от Юли. Боялась, что та отберёт пайку? Юля осторожно взяла свою порцию... Вкуснейшее варево, свежий хлеб... Она с удовольствием съела всё до последней кап-

ли, а потом принялась за хорошо разваренный кусок мяса. А не кормят ли так смертников перед казнью? Отнесла пустую тарелку к двери. Лиса же не стала утруждать себя лишними движениями – швырнула свою и попала точно в глазок.

Юля не успела толком насладиться покоем, как тишину разорвал очень худой очкарик лет двадцати. Злой мальчик, потому что сначала ударил ногой в дверь и только потом засунул ключ в замочную скважину. Юлю передёрнуло от спелости прыщей, покрывавших отвратительными буграми кожу его лица.

Он проямлил голосом, испорченным куревом:

– Менцель! На выход! – и положил руку на расстёгнутую кобуру.

Как не хотелось срываться с насиженного места! Шёпотом попрощавшись с Лисой, Юля покорно пошла за парнем.

Опять затянулась безумная песня:

– Мы будем вместе... вместе... навсегда... не разлучит нас красная вода... которая зовётся кровью... и отдаётся в жилах болью...

Чем дальше отходила Юля от своей камеры, тем тише становился голос девушки-зверя.

– Прямо! – скомандовал очкарик.

Юля послушно пошла в указанном направлении, опустив голову.

– Направо!

Она сделала крутой поворот всем телом так чётко, будто от идеальности его исполнения зависело её дальнейшее су-

ществование.

– Стой!

Замерла. Прыщавый конвоир открыл большим ключом железную дверь и втолкнул Юлю в комнату, погружённую в полумрак, что не сулило ничего хорошего, но обещало скорую развязку происшедших в последнее время событий. Выкрашенные в зелёный цвет стены комнаты могли раздавить даже самую здоровую психику, а более чем скромные стол и две табуретки были мечтой аскета.

Она уселась на один из них. Настольная лампа – любимая игрушка плохих копов... Время остановилось, Юля потерялась в нём. Под самым потолком пряталось маленькое окошечко, но в него не пролезть... Смешные мысли о побеге. Сколько ей светит? Уголовным кодексом она никогда не интересовалась. Возможно, что и червонец. Остаётся надеяться только на хорошую работу умного адвоката, которого бесплатно ей никто не предоставит. Подсунут какого-нибудь лопуха. И сидеть ей в тюремных застенках до конца жизни. Готовиться нужно к худшему. Господи, так попасть из-за безумца! А ведь на её месте легко мог оказаться кто-нибудь другой. Ей никогда не везло после смерти мамы...

Как-то во время воскресной уборки квартиры мама спросила:

– Хочешь расскажу, как мы с папой познакомились?

Редко она откровенничала с дочерью.

– Когда мы были молодые, алкоголь пили не меньше

и не реже, чем вы сейчас. Гуляли мы однажды с подружками в городском парке. Мне было восемнадцать или около того. Пили вино крепленое... «Агдам», кажется, не помню точно. И шлялись по парку. Много пили – до тошноты. А знаешь, туалетами тогда были кусты... Полезла я туда. Кололись, заразы. Пописала, натянула трусы и пошла на выход. Навстречу мне – парень. От неожиданности я, естественно, заорала во всю глотку, а он мне рот ладонью прикрыл. Ну, подумала, сейчас придушит и изнасилует. Начала брыкаться как сумасшедшая. Он меня к себе прижал, очень крепко обнял и поцеловал. Тут меня и стошнило... прямо на твоего папу. Так было дело.

– А он тебя не послал потом?

– Как видишь, нет.

Ушла она, а разговор тот отпечатался в памяти...

В комнату вошёл высокий плотный человек средних лет в сером костюме. Уверенно заняв второй – свой – стул, он небрежно бросил на стол тонкую бумажную папку с напечатанным на лицевой стороне словом «ДЕЛО» и уставился, не мигая, на Юлю. Тяжесть его взгляда была невыносима. Бу-синки пота усыпали его лоб, он глубоко дышал носом. Юля через силу улыбнулась.

– Послушай, девочка, – сказал наконец мужчина. – Меня зовут Юрий Анатольевич Колесников. У меня нет времени беседовать с тобой о мотивах и раскаянии – они являются твоим личным делом. Я не поклонник Достоевского. Мы

поступим иначе. Я буду говорить, а ты – без истерики ставить подписи там, где я покажу. Затем мы расстанемся друзьями. Я займусь другими делами, которых у меня скопилась огромнейшая куча, а тебя закроют, ты отмотаешь заслуженный срок и выйдешь на свободу с чистой совестью. Идёт?

– А у меня есть выбор?

Колесников открыл папку.

– Нет. Всё всегда происходит по-моему. – Он сделал маленькую паузу. – Знаешь, что мы имеем? Правильно, мертвяка! Охлаждённый труп сумасшедшего онаниста Гунова. Господи, когда я зашёл в его квартиру, меня чуть не вывернуло наизнанку. Не поверишь, он дрович на собственный холодильник! Цеплял магнитиком голую тёлку и кончал на дверь, а сперму, сука, не вытирал! Так она и висит там до сих пор, засохшая. И спасибо тебе, что избавила мир от толики гнилья, огромное спасибо! Но по закону... Кто дал тебя право убивать его? Или ты внебрачная дочь Иисуса?

Он взял в руки испещрённый мелким корявым почерком лист бумаги.

– Послушай, что увидел в ту ночь Сергей Павлович Мокрицкий, студент Б-ского Государственного Университета.

Юля вздрогнула. Она не смела даже и думать, что там был кто-то ещё и видел...

Колесников зачитал показания Мокрицкого:

– Седьмого февраля я шёл из ночного клуба «Синий шар» домой. Шёл, потому что транспорт в это время уже не ходит.

Я был в состоянии среднего алкогольного опьянения, так как осознавал происходящие вокруг меня события. Когда свернул на улицу Станиславского, мне очень сильно захотелось справить малую нужду. Терпеть не было сил, поэтому я остановился за углом дома. В этот момент я услышал топот, будто кто-то бежал. Я прислушался и различил голоса мужчины и женщины. Женщина сначала кричала, а потом перестала, когда начал говорить мужчина. Он уговаривал её убить его. Женщина отказывалась. Они долго спорили. Потом я услышал звуки выстрелов. Женщина убежала. В какую сторону, я не знаю. Я выглянул из-за угла и увидел тело мужчины. На вид он был мёртвый. Я не стал подходить к нему, а побежал в полицию. Там сообщил об убийстве... – Он внимательно посмотрел на Юлю. – Вот такая картинка вырисовывается.

– Он не видел меня, – усмехнулась Юля. – Только слышал голос какой-то женщины.

– Верно, не видел. И его показания ничего не значили бы, если б не подтверждались показаниями других свидетелей.

– Там ещё кто-то был? – спросила опешившая Юля.

Колесников улыбнулся.

– Сейчас прочитаю тебе рассказец безработной Екатерины Ивановны Плющевой. Занимательный очень получился... Седьмого февраля я засиделась в баре «Мареновая роза» до трёх ночи. Когда моя подруга Алла, которая работает там барменшей, вышла в туалет, в бар зашла молодая девуш-

ка. Она была пьяная или обколотая. Присела за мой столик и спросила, как меня зовут. Я заметила свежую кровь на её руке и сказала ей об этом. Она явно перепугалась и спрятала руку под стол. Когда Алла вернулась, девушка заказала martini, а мне ответила, что порезалась. Мне этот факт показался очень подозрительным. Через пятнадцать минут пришёл мой друг Вадим Курев. Я ушла с ним из бара. Он не сможет подтвердить мои слова, потому что был сильно пьян и ничего не помнит... Вижу панику в твоих, Юля, глазах. Думаю, тебе пока нечего сказать. Правоохранительные органы не дремлют и хорошо работают, несмотря на отрицательное к ним отношение общества.

Колесников вдруг вскочил со стула, не выпуская бумагу из рук, и принялся отмерять шагами расстояние между стенами. Его буквально затрясло от эйфории в предчувствии скорой развязки.

– Ты наследила в «Мареновой розе» и поехала спокойно домой на такси... Из показаний Семёна Анатольевича Иванова, водителя Б-ского автотранспортного предприятия... Около трёх часов ночи я остановился возле идущей по тротуару девушки. На вид она была замёрзшей и немного пьяной. Не хотелось оставлять её одну на улице. Решил подбросить, куда скажет. Она всю дорогу молчала, а я рассказывал ей истории из своей жизни. Вдруг она сказала, что убила человека. Я ей не поверил и продолжил свой рассказ. Больше она не произнесла ни слова до места прибытия.

Остановившись посреди комнаты, он покосился на Юлю. Вернулся за стол. Этот тип отлично поработал – железные факты в его изложении задавили её своей массой, но она не могла попросить Колесникова оставить её наедине с разбегающимися во все стороны своими мыслями. Он должен закончить начатое – обязан добить.

– А вот что написала Алла Сергеевна Юрьева, известная тебе как барменша... Ночью седьмого февраля я работала в кафе «Мареновая роза». В три часа отлучилась в туалет. В это время в кафе находилась только моя подруга Екатерина Плющеева. Когда я вернулась к исполнению обязанностей, возле неё сидела девушка. Её правая рука и рукав куртки были испачканы кровью. Казалось, она не замечала этого. Она заказала мартини. Катя сказала ей про кровь. Девушка спрятала руку под стол. Сказала, порезалась. Через несколько минут пришёл Вадик Курев, друг Кати. Они посидели немного и ушли. Девушка попросилась в туалет, побыла там немного и тоже ушла. Я подошла к тому месту, где она сидела, и увидела, что стол и стул в крови. Вытерев кровь бумажной салфеткой, я выбросила её в мусорное ведро.

Колесников посмотрел на Юлю в тягостном молчании. На языке у него вертелось последнее, что он хотел сказать, самое тяжёлое для восприятия задержанной.

– Ещё нам позвонил один священник...

Юля с ненавистью глянула на него. Он отпрянул не от неожиданности даже, а чтобы в полной мере насладить-

ся её агонией.

– Дальше, думаю, говорить не нужно. Подведу итог. Что мы имеем? Не вызывающие сомнений показания свидетелей, салфетка с кровью убитого, твои пальцы на пистолете. И... признание отца Василия.

Колесников откинулся на спинку стула.

– Это конец, – сказал он.

И полез в папку, чтобы извлечь оттуда исписанный теперь уже красивым почерком протокол допроса. Положил его перед Юлей, рядом – ручку.

– Твоё чистосердечное признание...

Всегда приходится расплачиваться за грехи раньше, чем предполагаешь. Суд пролетит, потянется административная чехарда, которая сменится отсидкой. Быть ей зэчкой – не отвертеться. Плохой человек оказался не чудовищем, а чудиком. Она сидит на скрипучем стуле перед следователем Колесниковым, выслушивая его неопровержимые истины, а замесивший тесто лежит в земле, и черви жрут его, не хватило воли слабаку застрелиться самому. Что за мужики пошли? Не гусары.

– Можно не читать?

– Разумеется... Только подпиши. Записано верно почти с твоих слов. Тебя утруждать писаниной – терять наше драгоценное время. Результат будет один и тот же.

Юля взяла ручку. Стоило ей сделать последний штрих, как Колесников вырвал лист из-под её пера и спрятал его

в папке. Бег закончился. Она сама скрепила это подписью. Дура. Сдавив голову руками, заплакала, громко всхлипывая и шмыгая носом. Колесников, резко подскочив со стула, в доли секунды оказался у двери.

Треснув в неё кулаком, крикнул:

– Охрана! Да... Кое-что забыл.

Неторопливо вернувшись к столу, он достал из кармана пиджака сложенный вчетверо лист бумаги и бросил его Юле.

– Твой отец... написал это... Мне очень жаль.

Открывшаяся дверь пригласила его покинуть комнату.

Шлифовальная машинка уверенно и без лишней суеты скользила по неровной ещё поверхности, выбрасывая из себя фонтан пыли, насыщенной пахучими древесными смолами. Запах свежей сосны взрывал мозг в обонятельном оргазме. Расползшийся по цеху аромат бодрил лучше самого мощного энергетика. Саша ловко управлял инструментом. Разглядывая годичные кольца, он изучал биографию дерева. Выключив и отложив в сторону машинку, Саша провёл ладонью по двери. Результат удовлетворил: от заусениц не осталось и следа. Присел на верстак – передохнуть. Замер на несколько минут, чтобы ощутить умом окончание работы, реально оценить сотворённое, и со вновь нахлынувшими силами покорить очередную вершину.

– Николаев! Друздь! Косой! – заорал Полковник из открытой двери раздевалки, перекрикивая гул станков. – Ко мне!

Страхнув мелкую стружку со спецовки, Саша соскочил с верстака. Взмахом руки подозвал Виталика с Лёхой. На похмельную рожу последнего нельзя было смотреть без слёз. Полковник плотно закрыл дверь и пригласил их за стол, на котором кипой лежали развёрнутые чертежи и железные кружки с чёрным чаем. Он заваривал его лучше всех не только на заводе, но и во всём мире. Полковник – не кличка,

фамилия такая. Василий Игнатъевич. Хоть и командир им, но человечисе золотой.

– Чайку хлебните... вот, – предложил он любезно.

Они сразу набросились на горячий – после ударных утренних часов.

– Пейте и смотрите на рисунки внимательно, а я буду рассказывать... вот. Это школа в Искомино – наш основной объект сейчас, как вы знаете... вот. Пять окон и три двери для начала, их мы заканчиваем сегодня... вот. Нужно их установить. Выезжаете завтра. Не хочу быть нудным, но от того, как вы их поставите, будет зависеть наше дальнейшее сотрудничество с директором школы и, следовательно, благосостояние ваших семей... вот. Постарайтесь, пожалуйста. А ты... – Он погрозил пальцем Лёхе. – Чтобы завтра был как стёклышко!

Тот поперхнулся чаем.

– Сколько даёшь нам времени? – спросил Саша.

– Я вас не гоню... вот. Нужно сделать очень хорошо, но и тянуть не стоит. Постарайтесь без бухла... вот. Сделайте – за мной не заржавеет. Загруженная машина будет готова к шести утра... вот. Командировочные получите сегодня после обеда. Свободны!

И снова Лёхе:

– Ты понял?

– Да! Уже завязался.

– Э-э-э... – протянул Саша. – Василий Игнатъевич...

– Чего ещё?

– Твой чаёк... Как ты его делаешь?

Полковник улыбнулся.

– Идите уже. Водки лью немного в чайник для смягчения
воды... вот.

Остановились на окраине посёлка рядом с небольшим кирпичным домиком, окружённым низким деревянным забором, каждая дощечка которого сияла искусной резьбой. Во дворе лежал нетронутый снег. Можно поспорить, что в тёплое время года там – идеально стриженная лужайка, не испорченная уродливыми грядками. Рядом с таким дворцом соседние строения выглядели разбитыми сараями.

– Куда дальше-то? – спросил Лёха, глянув с укоризной на бригадира.

– Не знаю даже. Полковник сказал, что школа в Искомино одна.

Виталик дремал, из его приоткрытого рта вырывался лёгкий храп.

– Пойду спрошу, – сказал Саша.

Выпрыгнув из машины, он утонул в грязном снегу обочину. Навстречу ему из сказочного домика уже бежал толстяк, одетый в синие тренировочные штаны, белую футболку и коричневую фуфайку, поправляя на ходу сползающие с носа очки. Они встретились возле калитки.

– Ребятки, вы случаем не со «Стройлеспрома»? – поинтересовался он, протянув руку для приветствия. – Михаил Юрьевич Шахно, директор местной школы. Я вас жду. Игнатич звонил вчера, предупредил, что вы сегодня будете.

– Добрый день. Александр.

Он пожал влажную руку директора.

– Проходите в дом! Позавтракаем для начала, а потом поедем на объект. Я покажу вам всё.

Саша махнул рукой друзьям.

Внутри дома царил идеальная чистота, хотя женщиной тут не пахло. Может быть, она и существовала, но боязно было заикаться об этом. Саша успел заглянуть в зал: одну из стен украшал громадный телевизор, на журнальном столике располагался ноутбук с включенным Интернетом. К стене был приклеен плакат, удивительный и страшный одновременно: распятый на деревянном кресте обнажённый мальчик лет пяти парил в облаках, его голова с закрытыми глазами и полным страдания лицом безвольно болталась на худой шее, на которую была намотана ржавая цепь, состоящая из достаточно крупных звеньев, в них свободно могли пролезть несколько детских пальцев, внизу плелась завитушками надпись красными буквами, с них капала кровь и стекала по облакам. «Держи слабого», было написано. Что это могло значить, Саша так и не понял, но создатель этого художества явно был извращенцем... Михаил Юрьевич захлопнул дверь зала перед его носом: не суйся, мол, куда не надо.

Он пригласил их на кухню – к столу.

– Чай, кофе... выпить? – спросил Сашу, державшегося увереннее остальных.

– Чайку, пожалуй, – неожиданно ответил за него Лёха.

– Вообще-то, мы сюда приехали работать, – возразил бригадир.

– Молодой человек, работа никуда не убежит, а язву желудка с голодухи можно подхватить запросто. Поэтому садитесь и кушайте, обязательно хорошо пережёвывая. Вот печенье, хлеб с маслом. Колбаску копчёную берите. Даю вам пятнадцать минут, пока буду бриться. – Он пощупал свою щёку, покрытую однодневной щетиной. – У нас коллектив чисто женский. Я единственный петух в курятнике.

И вышел, плотно прикрыв за собой межкомнатную дверь.

Кусок отчего-то не лез в горло: душок у еды был противный – на уровне подсознания. Только похмельный Лёха хлестал крепкий чай. Шахно, как и обещал, вернулся через полчаса. Он не удивился нетронутым вкусностям и не спросил, почему гости не притронулись к еде.

Просторные классы одноэтажной школы наполнялись светом через множество больших окон. Мельком оценив объём работы, Саша прикинул, сколько времени бригада потратит на неё и приблизительно посчитал стоимость этого заказа. Сумма получилась внушительная. Лёха тем временем подогнал машину к складу, расположенному во дворе школы. Начали выгрузку. Шахно ждал, пока окна и двери перенесут в сухое помещение. Пару раз пощупал продукцию, удовлетворённо цокнув языком.

Единогласно решили начать работать с завтрашнего утра, а пока – вселиться в общагу и немного устроиться на новом месте. Под неё искоминские власти отвели длинный барак, расположенный на окраине посёлка. Во время жатвы в нём жили наёмные комбайнёры и различный рабочий люд. Приятное местечко – с чистым постельным бельём, холодильником и телевизором, с двумя душевыми кабинками и туалетом.

Устроив быт приезжих, Шахно поспешил удалиться, сославшись на сильнейшую занятость.

За ужином раздавили пару бутылочек, предварительно охладив их в снегу. Нельзя в командировке без водки, которая согревает и успокаивает душу, томящуюся в одиночестве вдали от дома. Подвыпили прилично. Виталик задремал

перед телевизором. Саша несколько раз предлагал ему идти спать. Он просыпался, говорил, что сейчас пойдёт, и снова закрывал глаза.

– Этот Шахно скользкий типчик, – сказал Саша, налив водки в чайные кружки. Одну дал Лёхе, другую взял сам. – Видал, какая у него хата? Телик последний, Интернет, домик какой отгрохал красивый. На казённых харчах так не проживёшь, даже если ты директор сельской школы.

Лёха понюхал зачем-то водку, но пить не стал.

– Да, в таком месте должность директора школы ничего не значит, – ответил он.

– Я о чём и говорю. Он определённо гребёт чёрное бабло. Только с чего?

Стукнувшись кружками, они проглотили водку. Лёха выдохнул через сложенные трубочкой губы, сморщив в отвращении лицо.

– Да пошли они все! Зарабатывать надо честно – своим горбом или головой, но никак не воровством.

– Сам знаешь, это радость для нашего человека: украсть, хапнуть, дать на лапу, чтобы своровать ещё больше. Мне ли тебя учить? За что твоего батю попёрли с автоинспекции?

Насупившись, Лёха потянулся за кружкой. Саша налил ему.

– Зачем ты так? Когда берёшь и не делишься, становится хреново, хоть и кажется сначала, что будет хорошо. Деньги работают против тебя, когда они грязные.

На что Саша ответил:

– У нас цивилизация денег. Их оборот растёт каждый день. Скоро они сметут всё. Останется посреди пустыни один человек в звериной шкуре с дубинкой в руке. Будет стоять и думать, где ему достать кусок мяса и глоток воды... Деньги в конечном итоге станут ничем, угробив тех, кто их создал.

Во время его пламенного монолога Лёха отрубился. Саша накинул куртку и вышел на улицу покурить. Морозная ночь была хороша: звёзды сияли в безоблачном небе, под ногами скрипел снег. Саша вспомнил о Юле – после достаточно долгого перерыва. Странно, как легко забывается хорошее. Он нервно выкурил сигарету и взял ещё одну... Бедная девка, не повезло ей. Чувство вины за то, что не сделал абсолютно ничего, вспыхнуло вновь, и оправдываться не хотелось – всякая попытка обелить себя пахла слабостью.

– Я трус... – зашептал он. – Кусок дерьма... Пусть мне тоже никто не поможет, когда мне станет плохо. Я желаю себе содохнуть в толпе врачей от потери крови...

Он выплюнул окурок и пошёл спать.

Колесникова ломало – невидимый призрак вцепился в него когтистыми пальцами и вонзил острые зубы в его душу, он питался человеческой кровью. У призрака было имя – трескун. Он подцепил Колесникова на крючок. До сих пор достаточно было выкурить утром один его хрупкий жёлтый лепесток, чтобы чувствовать себя... Как? Хорошо ли? Он затруднялся с оценкой своего самочувствия. Вечером он вновь принимал дозу и на протяжении всего дня грезил о зелёной жестянке из-под английского чая с наркотиком и чёрной от гари стеклянной трубке. Если так пойдёт и дальше, он будет курить дурь на работе, но пока это не входило в его планы, невероятными усилиями у него получалось сдерживать себя. Он вдавил педаль газа в пол до упора. «Тойота» рванулась с места, выбросив из-под покрышек грязный снег. Домой! Зазвонил мобильник. Колесников резко затормозил, машину занесло, мимо пролетела, дико сигналив, синяя «шестёрка». Телефон вывалился из дрожащих рук и утонул в грязной луже на коврике. Колесников нежно вытер его носовым платком и лишь после этого ответил на звонок.

– Слушаю, Игнат.

Молодой человек с пластилиновым характером, из которого хотелось вылепить соразмерную себе глыбу. Колесников старался помогать парню во всём, надеялся, что в ко-

нечном итоге сосунок превратится в настоящего следака. Он добровольно взвалил на себя эту миссию.

– Юрий Анатольевич, выручай! – Игнат был взволнован. – Хлестова помнишь? Не хочет, падла, колотья. Что делать, придётся отпустить.

– Не надо никого отпускать, Игнат. Никогда никого просто так не отпускай. Понял? Все люди грешны, любого можно упечь за решётку.

– С точки зрения закона он совершенно чист, никаких доказательств его вины...

Колесников заорал в телефон:

– К чёрту закон! Ты хочешь, чтобы он вышел от нас и убил свою жену? Возьми его за яйца и проверни их пару раз по часовой стрелке. Он сразу во всём сознается.

– Я так не могу... круто.

– Круто – разгребать трупы на местах преступлений. Я сейчас буду.

Он швырнул телефон на заднее сиденье... Трескун подождёт пока – ещё можно держаться, затирая тягу к опустошению собственного мозга чужими мыслями и действиями. Вернулся на работу. Некоторые на допросе постоянно лгут, другие чего-то не договаривают, и небольшой процент людей просто молчит. Отрешённо наблюдая за тобой с идиотским выражением лица, они кричат глазами: «Ну что, не добился от меня ничего? И не добьёшься! Ха-ха-ха!» Их мало, но они иногда встречаются, куски гранита...

– Будешь и дальше молчать? – спросил Колесников у Хлестова.

Тишина в ответ.

– Плохо! Где ты спрятал ствол? Куда ты его выкинул?

Следователь наклонился к нему, чтобы Хлестов почувствовал вонь из его рта, которая к концу рабочего дня становилась просто невыносимой.

– Ты ведь знаешь, но молчишь. Надеешься, что тебя выпустят отсюда за недостатком улик. Так? Точно. – Он развалился на стуле. Достав из кармана автоматическую шариковую ручку, щёлкнул ею пару раз и повертел в руке, не отводя взгляда от допрашиваемого. – И ты прав. Нет улик – нет доказательств. Ты выйдешь на свободу. Только ты не учёл самой малости. Знаешь чего? Вижу, тебе интересно. Не учёл ты, Хлестов, того, что ты всё равно останешься убийцей, на воле ты будешь гулять или в камере дышать вонючим потом. В душе своей ты будешь носить грех, пока не сойдёшь с ума... Не скажешь, где пистолет? Ну и хрен с тобой! Не моё это дело. Пойду я лучше пивка попью, пусть Игнат сам с тобой возится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.